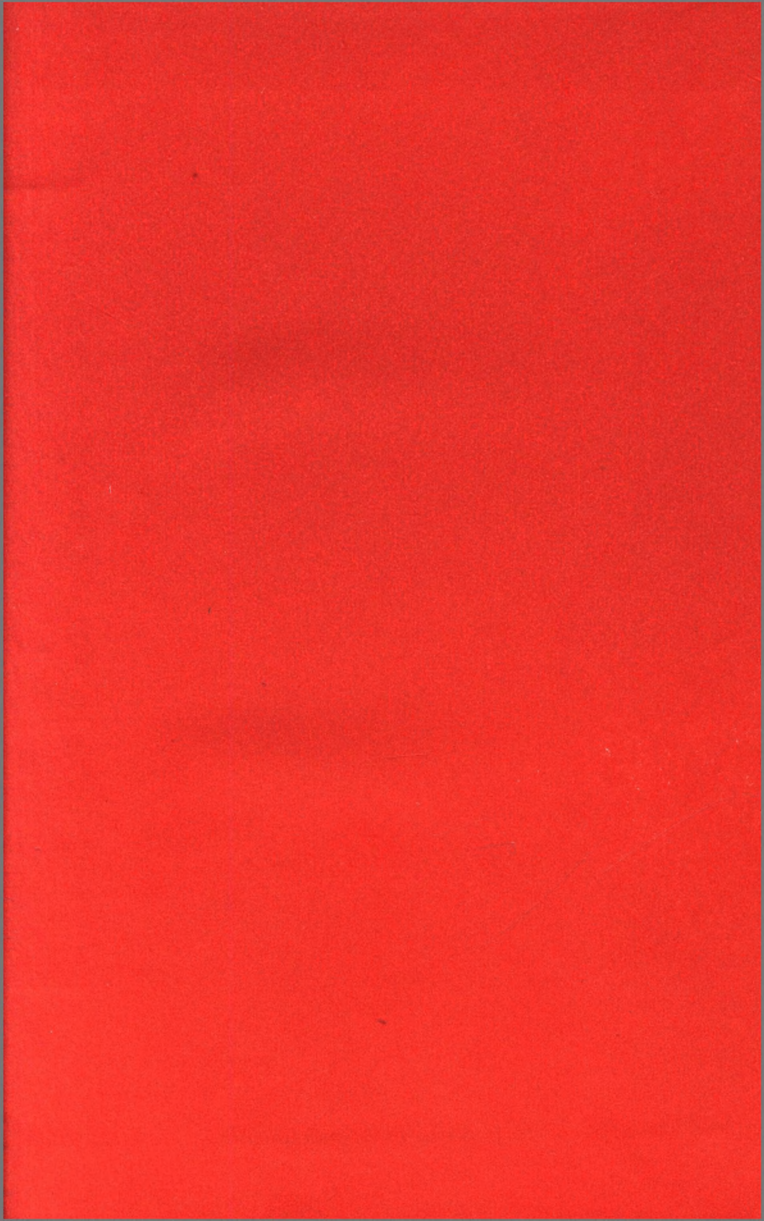

А. В. КОЛЬЦОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Издательство
Воронежского университета

А.В.КОЛЬЦОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Воронеж 1977

Вступительная статья
О. Г. Ласунского

Оформление
художника В. И. Суминой

0-7-3-1
96—1977

СОКОЛ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Удивительно складываются иногда литературные судьбы! Неподвластные личной воле сочинителя, они отражают движение читательских вкусов и критических мнений. Взлеты и падения писательской репутации становятся своеобразным барометром общественной жизни. Биографии самих книг и их авторов причудливо переплетаются в сложный клубок, распутать который способно лишь беспристрастное время.

В 1835 г. в Петербурге и Москве появились два новых поэтических сборника. Один из них имел необыкновенный, шумный успех и уже на следующий год выдержал переиздание. Великосветские салоны были в восторге от вычурно-изысканных фраз и томных романтических образов Владимира Бенедиктова. По свидетельству очевидца, не один Петербург — вся читающая Россия упивалась его стихами. Ему пророчили титул «второго Пушкина».

Звезда В. Г. Бенедиктова не просто взошла — она ярко вспыхнула на литературном горизонте. Но это был холодный огонь блуждающей по небу кометы. Проницательный взгляд Виссариона Белинского обна-

жил под покровом пестрой мишуры творческое бессилие умелого версификатора, отсутствие живого чувства, согревающего истинное искусство. Слава «второго Пушкина» померкла так же быстро, как началась. И уже к 1842 г., когда сборник вышел третьим изданием, спор «о достоинствах и значении поэзии г. Бенедиктова», по словам Белинского, был окончательно решен.

В том же 1842 г. в губернском Воронеже умер в возрасте тридцати трех лет Алексей Васильевич Кольцов. Это его книга стихов появилась в свет одновременно с бенедиктовской. Она так и осталась для автора единственным прижизненным изданием — скромный сборничек, содержащий всего восемнадцать «пиес» (так называли тогда стихотворения).

Пушкин как-то сказал, что Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание. Однако пылких восторгов и рукоплесканий поэт не дождался. О них, впрочем, он меньше всего думал. Одной из своих рукописных тетрадей Кольцов предпослал в качестве эпиграфа четверостишие:

Пишу не для мгновенной славы —
Для развлеченья, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

«Пишу не для мгновенной славы...» — это сказано замечательно и как будто специально в укор Бенедиктову с его эфемерной популярностью и претензиями на особое положение в литературе. Кольцову доставляла удовольствие уже сама по себе работа над словом, его целиком захватывал процесс поэтического творения. Он по прирожденной скромности считал свои занятия «развлечением, забавой». Но Кольцову только казалось, что пишет он «для памяти минувших дней». В действительности же его произведения были ори-

ентированы не на прошлое, а на будущее. «Развлечение» на поверку обернулось делом огромной общественной важности. Без этой «забавы» отечественная словесность стала бы намного беднее. А подлинная, «немгновенная» слава пришла к поэту сама.

Но тогда, в 1835 г., даже Белинский беспокоился за судьбу своего литературного «крестника». «Не знаю, — откровенно высказывал он свои опасения в рецензии на сборник, — будут ли иметь успех стихотворения Кольцова, обратит ли на них публика то внимание, которого они заслуживают... все это покажет время» [1].

Время показало: мода в искусстве так же мимолетна, как и везде; настоящие же поэтические ценности непреходящи! Давно забыт Бенедиктов. Его «красивые» стихи стали достоянием истории. А грубовато отесанные кольцовские строки (подчас они даже не в ладах со строгой грамматикой) до сих пор не перестают нас волновать. В них прослушивается биение темпераментного сердца. Про стихи Кольцова нельзя сказать, что они лишь фосфоресцируют, но не греют. «Огнь степной» (излюбленная автором «Косаря» метафора) — вот что такое кольцовская поэзия!

Другой выразительный образ предложил советский писатель Владимир Лидин: «...Кольцов — как колокольчик под дугой, звук которого услышишь и в метель, и в осеннюю непогоду, и всегда как-то по-особому настроен этот звук...» [2]. В самой музыке слов «Кольцов» и «колокольчик» есть нечто глубоко родственное.

---

1 Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, с. 391.

2 Слово о Кольцове. Русские советские писатели об А. В. Кольцове. Сост. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1969, с. 66.

Творческий облик Кольцова неразрывно связан с особенностями его биографии. В ней мало видеть только частный случай, только личную драму художника, вынужденного подчиняться неблагоприятно сложившимся житейским обстоятельствам. В участи Кольцова откристаллизовалась общая трагедия русской демократической интеллигенции.

А. В. Луначарский, называя имена Ломоносова, Кольцова и Шевченко, говорил как о «редком и трогательном явлении» об отдельных выходцах из народа, которому в целом трудно было подняться до какой-нибудь тонкой культурной работы. В старой России, где давно возникла пропасть между образованным дворянским меньшинством и сплошь неграмотными массами, особого драматизма были исполнены попытки талантливых людей из низов найти выход к знаниям, к свету. Недаром до революции возникло и получило столь широкое распространение понятие «самоучка» — порождение уродливой российской действительности с ее разительными общественными контрастами. Извечная борьба между духовной жаждой и повседневной житейской прозой сводила до сроку в могилу многих из тех, кто мог бы стать гордостью своей страны. Губительная сфера быта выступала союзницей социального зла.

В биографии воронежского стихотворца не было ни полицейского надзора, ни ссылок — в этом смысле она вполне благополучна. Поэт не испытывал, пожалуй, даже крайней материальной стесненности. И все же судьба Кольцова всеми поколениями его почитателей воспринималась как страшная трагедия человека, богато одаренного от природы и вынужденного тратить физические и нравственные силы на противодействие враждебным внешним условиям.

Алексей Васильевич Кольцов родился 3 (15) октября 1809 г. С детского возраста познал он изнанку жиз-

ни. Отец его, Василий Петрович, воронежский мещанин, занимался прасольством, покупкой и выращиванием скота для салотопенных заводов. Человек оборотистый, себе на уме, он и в детях стремился воспитать страсть к наживе как основную добродетель. Порядок Василий Петрович соблюдал неукоснительно и в традициях домостроевщины. Деспотический по складу характера, не терпевший возражений, он создал в семье гнетущую атмосферу страха и принуждения. Сын своего сословия, Василий Петрович считал образование непозволительной роскошью, а в грамоте видел только средство обмануть простодушных обывателей и не быть обманутым другими. Отец забрал Алексея из второго класса Воронежского уездного училища, убежденный, что приобретенных познаний вполне достаточно для ведения коммерческих дел.

Домашняя обстановка, естественно, наложила определенный отпечаток на характер Кольцова. Судя по свидетельствам мемуаристов, он унаследовал от отца практическую хватку, сметливость в торговых операциях. Влияние мещанско-купеческого окружения не могло не сказаться. И все же, если иметь в виду основные черты Кольцова как личности, следует согласиться с Белинским, утверждавшим, что к благодатной натуре поэта не приставала грязь, среди которой он родился и на лоне которой был воспитан.

Настоящей школой для отрока Кольцова стала родная подворонежская природа — именно она образовала из впечатлительного подростка будущего художника, вселила в его душу чувство прекрасного. Василий Петрович занимался тем, что скупал весною по дешевой цене отощавший скот и отправлял его на пастбища — нагуливать до поздней осени мясо и сало. Молодой Кольцов должен был присматривать не столько за скотом, сколько за гуртовщиками: исправно ли службу несут? Так, бо́льшую половину года

проводил он в бесконечных поездках верхом, в располагающих к откровенности беседах у костра. Черноземная степь с ее волнуемым под порывами ветра разнотравьем очаровала Кольцова. Она подсказала истинные масштабы измерения, научила мыслить широко и свободно, видеть в людях стержневое, глубинное начало. Она пробудила в Кольцове лирика, способного восхититься не только панорамой бескрайних просторов, но и красотой отдельного цветка, малой травинки. Степь стала воистину поэтической колыбелью Кольцова. Он прославил ее в своих произведениях, и не случайно иностранные читатели для того, чтобы осознать, что же это за диво — русская степь, часто обращались и обращаются к строкам стихотворца-прасола.

Кольцов не мог жить вне поэзии. В нем было то, что принято называть — «искра божия». В груди теснились, требуя какого-то выхода, фантастические картины и образы. Книги, особенно стихотворные сборники, стали верными товарищами Кольцова. Он упивался сочинениями Богдановича, Державина, Дмитриева, Жуковского, Пушкина, арабскими сказками «Тысяча и одна ночь». Постепенно составлялась небольшая библиотека любимых произведений. Воронежский книгопродавец Д. А. Кашкин, человек просвещенный и отзывчивый, подарил однажды начинающему поэту руководство по версификации — «Русская просодия». Радость Кольцова была беспредельна: оказывается, есть какие-то правила сложения слов в стихотворный размер! Приходилось открывать новые истины.

Но не всегда они, эти истины, были приятны. Чаще всего, напротив, встречи с ними оставляли на сердце тяжелый осадок. Белинский подробно рассказал о драматической истории первой любви поэта. В доме Кольцовых на положении прислуги жила девушка, су-

щество чистое и застенчивое. Взаимное чувство, возникшее у молодых людей, не могло не напугать Василия Петровича, который присматривал для сына выгодную партию. И вдруг вместо желанной купеческой дочки с богатым приданым — крепостная девка! И отец, воспользовавшись отсутствием Алексея, отправил служанку к одному из донских помещиков. Потрясенный случившимся, Кольцов сначала слег в горячке, а потом бросился по следам проданной в рабство возлюбленной, но отыскать ее так и не сумел. Отголоски этой личной трагедии встречаются во многих стихотворениях Кольцова, справедливо относимых к числу самых задушевных... Так обнажилась перед ним во всей своей отвратительной сущности одна из горьчайших истин крепостнической России.

Что могло дать хоть какую-то отраду измученному отцовским предательством сердцу? Только стихи. И Кольцов целиком отдается поэзии. К этому времени у него появился и литературный наставник — воронежский семинарист А. П. Сребрянский, талантливый сочинитель, автор популярной среди учащейся молодежи песни «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» (1830-е гг.). Кольцов многим обязан этому славному человеку, который не только давал деловые советы, но и выправлял орфографические ошибки и расставлял знаки препинания в стихах своего подопечного.

Кольцову вообще везло на хороших людей — в этом было его счастье. Существует несколько версий относительно того, при каких обстоятельствах произошла встреча Кольцова с Николаем Владимировичем Станкевичем, тогда еще студентом Московского университета. Станкевич, обладавший исключительно развитым эстетическим вкусом, сразу же увидел в корявых на первый взгляд строках поэта-самоучки рациональное зерно самобытного дарования. Благодаря Станкевичу

и появился в 1835 г. сборник кольцовских «пиес».

Через Станкевича воронежец приобрел важные для него знакомства в Москве, а затем в Петербурге. В северной столице Кольцов был благосклонно принят В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским и другими видными писателями. На одной из литературных «суббот» у Жуковского в начале 1836 г. состоялась встреча Кольцова с Пушкиным. До конца своих дней не забыл этих минут поэт-прасол, с благоговением относившийся к автору «Евгения Онегина». Как свидетельствуют воспоминания современников, и Пушкин с большой похвалой отзывался об опытах оригинальной кольцовской музы. В пушкинском «Современнике» было опубликовано одно из лучших произведений воронежского поэта — «Урожай».

Когда до губернского города докатилась скорбная весть о гибели великого писателя, взволнованный Кольцов изливает в письме к А. А. Краевскому (от 13 марта 1837 г.) душившие его чувства. Интересно, что Кольцов находит для Пушкина сравнение, близкое к уже высказанному в известном некрологе: «Солнце нашей поэзии закатилось!..» Кольцов развивает эту печальную метафору: «Александр Сергеевич Пушкин помер; у нас его уже более нету!.. Едва взошло русское солнце, едва осветило широкую русскую землю небес вдохновенным блеском, огня животворной силой... Прострелено солнце» [3].

Исследователи верно отмечают, что для письма Кольцова, вызванного бурным эмоциональным порывом, характерны образы и интонация, более уместные в поэзии, чем в эпистолярной прозе. Кольцов, вероятно, это и сам сознавал: в результате появилось посвященное памяти Пушкина стихотворение «Лес» («Что, дремучий лес, призадумался...»). Используя эзопов

---

[3] Кольцов А. В. Соч. М., 1966, с. 256.

язык иносказания, автор прозрачно намекает на общественную подоплеку пушкинской трагедии. «Осень черная», «безвременье», «непогодь» — социальный подтекст этих образов прочитывается довольно легко. Пушкин рисуется как сказочный богатырь Бова, заколдованный злыми чарами.

Трудно переоценить роль в судьбе Кольцова критика-демократа В. Г. Белинского. Встреча (в 1831 г.), а затем сближение и, наконец, теснейшая дружба с ним, продолжавшаяся до последних дней поэта, в значительной степени определили смысл и содержание всей жизни и творчества Кольцова. В истории отечественной изящной словесности мало найдется примеров столь плодотворного личного и духовного союза двух литераторов.

Белинский в течение многих лет был первым читателем, ценителем и редактором кольцовских произведений. Он принимал участие в подготовке к изданию первого сборника стихов Кольцова. Он же явился инициатором и составителем последующего (первого посмертного) издания кольцовских произведений 1846 г., снабдив его обширным вступлением «О жизни и сочинениях Кольцова». Это первая итоговая статья о деятельности поэта-прасола и первая его обстоятельная биография.

Белинский тянул Кольцова из провинциальной глуши в столицу, предлагал работу, даже предоставлял свою петербургскую квартиру в распоряжение друга. Писем критика к поэту, к сожалению, не сохранилось. Но и по кольцовским ответам можно судить об атмосфере сердечности в отношениях между ними. 15 августа 1840 г. Кольцов пишет Белинскому: «Не шутя и не льстя говорю вам, давно я вас люблю, давно читаю ваши мнения, читаю и учу; но теперь читаю их больше и больше, и учу их легче, и понимаю лучше. Много они уж сделали добра но более дела-

ют и, — может быть, я ошибаюсь, — но только мне все думается, что ваши мнения тащат быстро меня вперед. По крайней мере нет у меня других минут в жизни, кроме тех, когда я читаю их. Я не знаю, кто бы не убедился этими истинами, кому бы они не пришлись по душе. Апостол вы, а ваша речь — высокая, святая речь убеждения» [4]. Нет никаких оснований сомневаться в искренности этой исповеди.

Белинский был для Кольцова не просто другом, но идейным учителем. Этих двух корифеев отечественной культуры спаяло прежде всего социальное и духовное родство. И того, и другого мы вправе рассматривать как ранних представителей передовой разночинской интеллигенции, как предшественников выдающейся плеяды «новых людей» 60-х гг. Кольцов явился в свет, словно откликаясь на страстные призывы Белинского к народности в литературе. Это были друзья-единомышленники, ориентировавшие поэзию — один в сфере критического анализа, другой — примером собственной художественной деятельности — на создание ценностей, имеющих общедемократическое значение.

Кольцов прожил недолгую, полную драматических коллизий жизнь. В знаменитом герценовском мартирологе литературных жертв царизма значится: «Кольцов убит своей семьей, тридцати трех лет». Действительно, в последние годы домашняя обстановка стала совершенно невыносимой. Ссоры, дикие скандалы, пошлые насмешки над самыми святыми понятиями... Пасть до примитивного, вульгарного уровня мещанского быта он не мог, а порвать с ним насовсем не хватило сил. В одиночестве, огражденный глухой стеной непонимания окончил свои дни человек, которого Россия увенчала лавровым венком народного поэта.

Грибоедов как-то писал своему приятелю С. Н. Бе-

---

[4] Кольцов А. В. Соч. М., 1966, с. 333—334.

гичеву: «Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает...» [5]. Кольцова, этого «пламенного мечтателя», и погубило преждевременно холодное дыхание крепостнической действительности.

Литературное наследие Алексея Васильевича Кольцова невелико по объему. Первые дошедшие до нас стихи датированы 1827 г. Всего полтора десятилетия творческой деятельности, к тому же постоянно прерываемой различными житейскими неурядицами! И все-таки след, оставленный Кольцовым в истории русской словесности, весьма значителен. Поэт-прасол принадлежит к числу тех писателей прошлого, чей авторитет был завоеван не количеством опубликованной продукции, но самобытностью, неповторимостью самого творчества.

Художнические симпатии Кольцова на редкость постоянны. Это в одинаковой мере относится и к содержанию, и к поэтике его произведений. Если исключить первые опыты, на которых лежит печать запоздалого сентиментализма, и стихи «на случай», то все остальное отчетливо распадается на две несхожих между собою части. Одна — размышление над извечными проблемами бытия, другая — изображение крестьянской души. Соответственно выбираются и жанры — «дума» и песня.

Обращение к философской тематике не искушенного в тонкостях глубокомыслия Кольцова может, на первый взгляд, показаться ненатуральным. Но именно стихийное стремление коснуться тайн, к которым был равнодушен купеческо-мещанский круг, толкало поэта-прасола в мир отвлеченных идей.

---

[5] Грибоедов А. С. Соч. М., 1953, с. 554.

Имелись и причины более принципиального характера. Эпоху, в которую Кольцов созревал как гражданин и художник, принято именовать безвременьем. Это был действительно мрачный период русской истории. Император Николай, воцарившийся с помощью пушек (восставших декабристов расстреливали в упор картечью), создал в стране атмосферу полицейского произвола. Пресекалась любая, самая слабая попытка сказать правду. Сибирь и казематы крепостей-тюрем были «к услугам» тех, кто выражал неудовольствие деспотическим николаевским режимом. В этих условиях широкое увлечение философией, преимущественно немецкой идеалистической, приобретало характер скрытого общественного протеста: ведь мысль свободна, на нее нельзя наложить запрет! Именно так воспринимал свои занятия философией Н. В. Станкевич и объединившийся вокруг него кружок друзей.

В «думах» Кольцова затронуты многие «вечные» проблемы. Автора волнует устройство вселенной и предназначение человека, диалектика смерти и бессмертия, волшебство поэтического вдохновения. В стихах часто обращение к всевышнему, спасителю. Но кольцовский «бог» — понятие специфическое, не столько религиозное, сколько философское, космическое.

Поэт, собственно, и не открывает никаких истин. В «думах» нет особой претензии на философичность. Они подкупают не глубиной проникновения в сущность никогда не разрешимых вопросов, не «умственностью», а напротив, своей непосредственностью, даже какой-то наивностью. Вот дума «Человек». Это скорее выплеснувшиеся из недр души эмоции, нежели строгое рассуждение о противоречивой природе людских поступков. В «Царстве мысли» встречаемся с чисто художественной попыткой изложить одно из распространенных в немецкой метафизике положений

о существовании некоего абсолюта — бесконечной духовной первоосновы мироздания.

В области философской лирики, имеющей в России давние традиции, Кольцов достиг немногого. Дело не только в том, что автору не хватало подготовки в этой сложной отрасли знаний. Сам склад его дарования не располагал к умозрительному, созерцательному характеру творчества. Художник явно подавлял в Кольцове философа. «Думы» сохраняют сейчас интерес более исторический — как свидетельство интеллектуальных исканий автора знаменитого «Косаря», как своеобразный памятник общественно-эстетической жизни 1830-х гг.

Главная и бесспорная заслуга Кольцова перед родной литературой — его замечательные «русские песни», выросшие наполовину из фольклора.

Нельзя сказать, что Кольцов был пионером песенного жанра в отечественной словесности. Еще в XVIII — начале XIX в. появляются письменные произведения, похожие по форме на бытующие изустно образцы. Таковы опыты в этом роде, принадлежащие перу И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, А. Ф. Мерзлякова, А. А. Дельвига и др. Некоторые из песен шагнули в народ, обогатив собою демократический репертуар. И все же они были искусным подражанием, но не самим оригиналом. Для сочинителей, отделенных от сословия пахарей трудно преодолимым социальным и моральным барьером, оказалось невозможным проникнуть в мужицкое нутро. Поэтому при всей внешней схожести с фольклорными приемами их произведения оставались чаще всего только талантливыми литературными упражнениями. В них было как будто все, что и положено в таких случаях: «красна девица», «темна ноченька», сарафан, хоровод, «грусть-злодейка» и т. п. Но на чувствованиях героев и героинь лежал ощутимый отпе-

чаток нарочитой сентиментальности, поверхностной «народности». Да и само обращение к песне в творческой практике до Кольцова отличалось эпизодичностью.

Иное дело — Кольцов, для которого этот жанр стал ведущим. Важнее, впрочем, другое: в его песнях затрепетала подлинно душа народная. Все, в них изображенное, было для поэта не частью чьей-то посторенней судьбы, а своим, выношенным в сердце, кровным... Существенно меняется позиция и угол зрения автора. По отношению к собственному художественному миру Кольцов находится, так сказать, не снаружи, а изнутри. Он живет среди своих крестьянских персонажей на правах равного. Он полностью разделяет их заветные думы и чаяния.

Вот удивительный пример полного нравственного слияния Кольцова с народом. 1839 год принес земледельцам много бед — сушь, жара, ни единого дождя. Для поэта этот год тоже был неурожайным. В письме к Белинскому он прямо связывает одно с другим: нет настроения сочинять, когда «поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль».

Выросший в среде, близкой к простому люду, Кольцов усвоил мировидение, привычки, обычаи и даже порой суеверия, свойственные мужицкой массе. Внешне, сугубо этнографические приметы «народности» растворились в самом изображении. «...В его песни, — писал о Кольцове Белинский, — смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи, — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии»[6]. Кольцов открыл перед русской литературой прежде неведомые ей горизонты. Мы не всегда осознаем во всей масштабности принципиальное новаторство поэта. Он выступает здесь

[6] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955, с. 534.

как младший сотоварищ великого Пушкина, как реформатор словесного искусства.

Заслуга Кольцова состоит прежде всего в том, что он внес новое содержание, новых героев в русскую литературу. Впервые крестьянская жизнь во всем ее разнообразии стала предметом художественного освоения. Точнее сказать, впервые крестьянские персонажи были в эстетическом отношении уравнены с традиционными героями дворянского происхождения. Правда, человек от сохи изредка попадал в изящную словесность и раньше. Вспомним хотя бы соответствующие сцены в некоторых притчах А. П. Сумарокова, баснописца XVIII в. В сентименталистских идиллиях начала XIX в. возникли восторженные пастушки́ и прелестные, целомудренные пасту́шки, но эти условные маски были бесконечно далеки от своих реальных прототипов.

Кольцов явился Колумбом, открывшим отечественной литературе ее настоящего героя — скромного мужичка, на плечах которого держалась вся Россия. Поэт-прасол сломал сложившуюся в искусстве «табель о рангах», эту привычную иерархию действующих лиц. Не придуманный, а натуральный крестьянин стал, наконец-то, полноправным обитателем в священной стране поэзии. Оказалось, что душа простого человека в нравственном смысле — не мертвая пустыня, как считали раньше, что она способна не только на суетные, низкие страсти, но и на возвышенные чувства. Крепостной крестьянин показан Кольцовым не как холоп и безличное орудие производства, а как ценная в этическом и эстетическом плане индивидуальность. Это была своего рода революция в литературе.

Когда-то, после выхода в свет первой пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», сердитый критик в журнале «Вестник Европы» уподобил ее гостю с бородою, в армяке, в лаптях, который, втершись в Московское

благородное собрание, закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!» Мещанин Кольцов пришел в изящную словесность именно таким «гостем» — и привел за собой вереницу мужиков.

Наиболее проницательным умам стало тогда же ясно, что поэзии как раз не хватало этого мощного пласта современной действительности. Кольцовский человек внес в литературу дух народности, дух демократизма. Он явился предтечей тургеневских крестьян из «Записок охотника». Без него невозможно было бы появление обличительной некрасовской музы.

В «русских песнях» Кольцова в полную меру развернулось его блестящее лирическое дарование. Поэта увлекает изображение сильных порывов, ярких эмоциональных вспышек. Непосредственное, сиюминутное переживание чаще всего отливается в динамическую форму монолога с его экспрессивно окрашенной речью. «Нежнейший лирик России» — так выразился о Кольцове его земляк, советский поэт Владимир Гордейчев. В песенном творчестве Кольцова с невиданной еще страстностью и вдохновением запечатлелась многогранная душевная жизнь крестьянина, его радости и беды.

Кольцов рисует в своих стихах разнообразную галерею лиц. Ему было необходимо во что бы то ни стало разрушить предубеждение о том, что простолюдин скроен по единому образцу, механически помноженному в миллионы раз. Такое представление не отвечало ни житейской, ни художественной истине. Кольцов, впрочем, не создает образов, отмеченных печатью исключительной неповторимости. Этому препятствовала сама природа полуписьменного-полуфольклорного жанра песни.

Автор идет по пути вычленения из крестьянской массы отдельных типажей, которые, несмотря на широкое обобщение, свидетельствуют о расслоении вне-

шне безликой, серой толпы. Нерадивый и, наоборот, рачительный хозяин, горемыка и в противоположность ему удачник, которому счастье валом валит, удалой молодец, подумывающий о темном лесе да булатном ноже, забитая домостроевским укладом жена и еще не распростившаяся с надеждами на будущее невеста — таковы лишь некоторые из крестьянских фигур, выведенных Кольцовым. Удельный вес каждой из них в творчестве поэта различен, но сейчас важно подчеркнуть не количественную, а именно типологическую сторону вопроса.

К чести Кольцова, он сумел выразить многие существенные качества нашего соотечественника. Поэт сам был колоритным представителем могучей народной стихии. Белинский писал о Кольцове: «Он носил в себе все элементы русского духа, в особенности — страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение, а если уже пасть, то спокойно, с полным сознанием своего падения, не прибегая к ложным утешениям, не ища спасения в том, чего не нужно было ему в его лучшие дни» [7].

Примечательные слова! В них — ключ к пониманию национального характера, как он воплощен в песнях поэта-прасола. Кольцовские герои сотканы из разноречивых черт. Начало бунтарское, взрывчатое мирно уживается с патриархальным долготерпением и покорностью. Способность быть себе на уме, хватка хозяйчика вовсе не исключали идеальных порываний к лучшему, романтической мечты о «золотой доле». Диалектика единства противоположностей неотразима здесь в своей логике.

---

[7] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 533.

Стержневым свойством россиянина является всегдашняя готовность принять жизнь как бесценный дар, готовность предоставить себя во власть ее стремительного течения. Кольцовский человек любит, что называется, «разгуляться», его влечет простор, размах. Любое ограничительное, сдерживающее начало претит. Он отдается жизни, какой бы она ни была, целиком, без остатка. Золотая середина — эта «одежка» не по нему! Нелишне напомнить, что именно так изображается человек из народа и в творчестве другого выдающегося поэта-воронежца — И. С. Никитина.

Русские люди, говорит своими стихотворениями Кольцов, — это люди широкой, вольной натуры. Нет в них европейской размеренности и аккуратности, нет американской деловитости. Трудиться — так до мозолей на ладонях и ломоты в костях, биться с врагом — так до победы или погибели, а любить — так до гробовой доски!

Особенно полно выражают себя крестьянские герои и героини как раз в сфере сердечных привязанностей. Интимная тема занимает значительное место в творчестве поэта. Не случайно любовные песни преимущественно и привлекали внимание композиторов, вообще крайне неравнодушных к темпераментной кольцовской лирике. Вспомним такие музыкальные шедевры, как «Разлука» («На заре туманной юности...»), «Не шуми ты, рожь», «Хуторок». Каким накалом страсти, каким пламенным чувством пронизаны строки этих стихотворений! Вот она, «способность бешено предаваться и печали, и веселию»!

В своем «Косаре» Кольцов воспроизвел вовсе не редкую для сельской общины ситуацию. Староста не желает выдавать дочку за бедняка. И тогда парень отправляется вниз по Дону, в казацкие слободушки. Он уходит из деревни с откровенно меркантильной целью — скопить «денег пригоршни», чтоб затем раз-

жалобить упрямого старосту. Но вот наш герой берется за остро отточенную косу, делает взмах, другой — и происходит чудо: все мелкое и нечистое отходит в сторону, даже Грунюшка на какой-то миг забывается. Остается лишь завораживающая магия движения, в ритм которому покорно ложится под ноги трава. Торжествующая мелодия труда звучит в знаменитых строчках:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с пóлудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошóная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!

Личное горе герой топит в высоком, одухотворенном труде, который становится, следовательно, не только средством накопления материальных благ, но и источником физического, нравственного и даже эстетического удовлетворения.

Глеб Успенский сказал о Кольцове: «В русской литературе есть писатель, которого невозможно иначе назвать, как поэтом земледельческого труда...» [8]. Определение Г. Успенского давно вошло в научный обиход. Но всегда ли верно толкуется эта глубоко самобытная черта Кольцова? Речь идет, конечно, не о тех

[8] Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1950, с. 36.

работах, которые появились в 1920-е гг., когда были живучи принципы «вульгарного социологизма»: тогда не считалось предосудительным упрощенно трактовать «подрумяненную народность» Кольцова. Сейчас такого грубого прямолинейного подхода к стихам нет и в помине. Но в некоторые статьи проникает несправедливый, на наш взгляд, тезис о непосредственной связи между собственническими инстинктами крестьянина и тем, что именуется «поэзией земледельческого труда». Можно ли согласиться с мыслью, что кольцовский персонаж испытывает эстетическое наслаждение от своих занятий в поле лишь потому, что озабочен их результатами? Правда, среди произведений поэта есть, к примеру, «Сельская пирушка», где плоды мужицкого усердия оказываются в центре изображения. Однако в большинстве случаев кольцовских героев прельщает не столько практический итог, сколько сам процесс труда, внутренняя его красота, возможность проявления в нем своего «я».

Желая утвердить простонародных героев в правах литературного гражданства, автор поневоле должен был отыскать и подчеркнуть в их облике такую сторону, которая бы говорила: поселяне развиты не только физически, но и духовно. Следовало показать, что вводимые в круг поэзии мужики достойны ее, что они отнюдь не примитивные люди, абсолютно лишенные внутреннего мира.

Неграмотные, темные лапотники, разумеется, не могли себя выразить в науках, политике, философии, искусствах — здесь господствовал просвещенный класс. Зато у них неожиданно выявилось особое преимущество — труд. Да, тот самый труд, который прежде третировался как жалкий и рабский или в лучшем случае вызывал сострадание к участи пахаря, под пером Кольцова-песенника приобрел совершенно новое свойство. Он-то и стал той частью народной жиз-

ни, где нашла выход подспудная тяга земледельца к духовной деятельности. Нет, не принципом непосредственной «пользы» объясняется готовность мужика опоэтизировать свои повседневные занятия. Здесь дали о себе знать исконные художнические, артистические задатки крестьянской души.

Продолжим рассуждение Глеба Успенского: «Пушкин, как человек иного круга, мог бы только скорбеть, как это и было, об этом труженике, «влачащемся по браздам», об ярме, которое он несет, и т. д. Придет ли ему в голову, что этот кое-как в отрепья одетый раб, влачащийся по браздам, босиком бредущий за своей клячонкой, чтобы он мог чувствовать, в минуту этого тяжкого труда, что-либо кроме сознания его тяжести? А мужик, изображаемый Кольцовым, хотя и влачится по браздам, хоть и босиком плетется за клячей, находит возможным говорить этой кляче такие речи: «Весело (!) на пашне, *я сам-друг с тобою,* слуга и хозяин. — Весело (!) я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю. <...> Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано с сивкою распашем, зернышку сготовим колыбель святую; его вспоит, вскормит мать-земля сырая... Выйдет в поле травка, вырастет и колос, станет спеть, рядиться в золотые ткани» и т. д. Сколько тут разлито радости, любви, внимания...» [9].

Действительно, добрый конь для хлебопашца — всегда верный товарищ, а зерно, зернышко — это более, чем живое существо. Его надо холить и лелеять, едва ли не нежнее, чем младенца. Утилитарное и поэтическое взаимно переключаются в сознании крестьянина.

Глеб Успенский цитирует кольцовскую «Песню пахаря». А давайте посмотрим с этой стороны на «Урожай». Диковинным для литературы 1830-х гг. явился уже сам по себе сюжет: живописание всех этапов по-

---

[9] Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 37.

левых работ — от весеннего сева до жатвы. Еще более непривычным было то, что этот сугубо прозаический сюжет развертывается в образах демонстративно возвышенных. В частности, автор заимствует из книжного обихода отдельные метафоры и наполняет их иным содержанием. Скирды на гумнах сравниваются с князьями. От возов, нагруженных дарами осенней нивы, всю ночь «скрипит музыка». Скрип колес уподобляется музыке! Так выразиться мог только художник, сам проникнувшийся умонастроением хлебороба.

Признание за физическим трудом великой эстетической и этической ценности вовсе не снимает в творчестве Кольцова социальной темы, хотя в определенной степени и нейтрализует ее остроту. Любопытно, что в кольцовских стихах нет помещиков-крепостников. Автор своею властью избавил любимых героев от неприятного для них «соседства». Но эта простенькая уловка не могла избавить их от бедствий и страданий вообще. Одним из первых в русской поэзии Кольцов показал страшные язвы, разъедающие общественный организм. Быт простолюдина есть непрерывная и преимущественно неудачная борьба с нуждою. Окаянное горе-злосчастие прочно поселилось в крестьянской избе, выглядывая из каждого угла, из каждой щели.

Ах ты, горе, горе,
Горе горькое!
Где ты сеяно,
Да где выросло?
. . . .
Кто тебя вспоил,
Да кто выкормил,
Да кто в свет пустил
Тебя, горюшко
Горемышное,

Ко чужим людям
Горе мыкати?
(«Горе»)

Даже главный мужицкий «талан» — сила крепкая, «пододонная» — и тот не всегда выручает: приходится ее тратить впустую, на «чужих людей». О чем нередко размышляет кольцовский поселянин? Как прожить ему на свете, одинокому. Подчас приходит в голову дерзкая мысль: не бросить ли деревню, да удариться во темны леса, да взять с собою булатный нож? Но нет, совестится мужик быть злодеем, душегубцем. И остается «терпеливым и на все готовым» — лишь бы не видели люди «прожитого счастья» (так поется во «Второй песне Лихача Кудрявича»).

Но в любой ситуации герой, как и сам автор, не устает мечтать о лучшем. Было бы глубоко несправедливым считать Кольцова поэтом, смирившимся с тягостным положением своих персонажей. Хотя до активного социального протеста он не поднимался, зато его никогда не покидала вера в неизменный приход «золотого времени». Это подчеркнуть тем более важно, что деятельность Кольцова падает, как мы помним, на период 1830-х гг.

Лермонтов ярче других засвидетельствовал неудовлетворенность своего поколения николаевским режимом. Его творчество сфокусировано на изображении мрачных сторон действительности. Скепсис, губительная для психики рефлексия, яд самоанализа — все эти «внутренние болезни» поразили лучшую часть дворянского класса. Она испытывает чувства разочарования, неуверенности в завтрашнем дне.

Кольцов, напротив, выразил во многих произведениях здоровые, могучие силы нации, народный дух, которого не сломить даже сверхжестокой политической реакцией. Что, собственно, менялось в привычном укладе многомиллионных масс крестьянства от

очередных потрясений на российском престоле? Да ровным счетом ничего! Монархи приходили и уходили, а крепостные мужички продолжали, как и прежде, нести свой тяжкий крест. При новом императоре в деревне все осталось так же, как было и раньше: беспросветная нищета, начавшееся расслоение сельской общины, власть «золотой казны».

Передовые круги дворянства мучились своим положением в обстановке полицейского насилия. Их терзало сознание идейного тупика, краха былых иллюзий. Простолюдину терять уже было нечего. Но по неисповедимым законам диалектики именно он, простолюдин, не переставал надеяться и ждать. В нем всегда оставался «неприкосновенный запас» душевных сил.

Лермонтов в «Думе» с печалью смотрит на свое поколение. Грядущее рисуется автору в самых мрачных красках («...иль пусто, иль темно...»). Совсем иначе оно видится Кольцову. Воплощая неиссякаемую веру поселянина в конечное счастье человека, этот вековечный народный оптимизм Кольцов писал:

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!
(«Последняя борьба»)

Пламенные кольцовские строки звучали резким диссонансом на фоне поэзии его эпохи. В лирику отчаяния, уныния и тоски вдруг вторгаются новые мотивы:

Доля ж, моя доля!
Где ты запропала?
До поры до время
Камнем в воду пала?

Поднимись — что силы
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Если нет, у моря
Сядем да дождемся;
Без любви и с горем
Жизнью наживемся!
(«В непогоду ветер...»)

Светлый колорит кольцовских стихов рождается и под влиянием их специфической художественной формы. Необычайно содержательной становится сама песенная поэтика. О каких бы грустных вещах ни говорилось в произведении, стремительность интонации, особая кольцовская распевность, своеобразие мелодического рисунка как бы смягчают драматизм.

Используя эстетические приемы, давно сложившиеся в устной традиции, поэт обогащает их собственными изобретениями. Он стремится выработать такую систему поэтических средств, которая позволила бы в «оптимальном режиме» передать общий пафос его творчества. Наиболее соответствовали этим целям возможности синтетического жанрового сплава — полулитературной-полуфольклорной «русской песни».

Намеченные народом-поэтотворцем символы и ритмы приобретали под пером Кольцова исключительную выразительность.

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?
(«Дума сокола»)

В целом ряде стихотворений возникает этот образ смелой и независимой птицы, сродни легендарному горьковскому Соколу. Да и сам Кольцов входит в наше сознание как сокол русской поэзии, чей вольный полет был «призывом гордым к свободе, к свету».

Предшественник некрасовской демократической школы, Кольцов содействовал укреплению связей литературы со всеми пластами исторической действительности. Он не создал самостоятельного литературного направления — вероятно, потому, что наследовать ему было трудно и даже невозможно: внешнее подражательство могло лишь скомпрометировать кописта. Влияние кольцовской лирики оказалось более широким. Она навсегда принесла в поэзию уважение к человеку-труженику, деяниями которого испокон веку сильна и славна Россия.

В октябре 1976 г. на Советской площади Воронежа торжественно был открыт памятник сыну этого города. Монументальная гранитная фигура взметнулась ввысь на самой кромке прибрежного крутогорья. Здесь когда-то любил бывать Кольцов, с этого места открывались взору заречные дали, манящие степные просторы — его подлинная поэтическая родина. Виделась ему отсюда необъятная крестьянская Русь с ее бедами и незатейливыми радостями.

И памятник Кольцову на Советской площади, можно сказать, поставили не только земляки-воронежцы — поставила вся страна, поставили благодарные потомки. Это — дань любви к поэту-самородку, чьи крылатые песни облетели всю Россию.

О. Ласунский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Тексты печатаются по изданию: Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений. Л., «Советский писатель», 1958 («Библиотека поэта», Большая серия, второе издание).

1827

СИРОТА

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
От бездомной сироты!

Что ж вы, злые, что вы вьетесь
Над усталой головой?
Что вы с ветром не несетесь
В край неведомый, чужой?

Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда изменила;
Радость — сон в судьбе моей.

Наяву же — в облегченье
Только слезы проливать,
И не верить в обольщенье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте ж, не маните,
Светлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
От бездомной сироты!

РОВЕСНИКУ

О чем, ровесник молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чем серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чем бессменная печаль
И частые стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И с юностью прощанье?
Или нежданная беда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Так рано посетила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла в нем желанья
И юным пламенем вся кровь
Зажглась без упованья?
Я вижу думу на челе,
Без слов, без выраженья;
Но есть во взорах, как в стекле,
Востока отраженье —
Заметное волненье.
Ах, то любовь, любовь!.. Она
В твоей душе играет;
Она в пиру, на ложе сна
Покой твой разрушает.
Я отгадал. Дай руку мне!
Ты не один, кипя душою,
Горишь и гаснешь в тишине:
Прошу тебя, будь друг со мною.

ПЕСНЯ

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огнь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
И восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева-радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

1828

ПУТНИК

Сгустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит;
Как черный полог, ночь висит,
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажжен случайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник, запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плетусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню.
И кто так пристально средь ночи
Вперял на деву страстны очи,
Кто, не смыкая зорких глаз,
Кто так стерег условный час,
Как я, с походною торбою,
Трясясь на кляче чуть живой,
Встречал огонь во тьме ночной?
То наш очаг горит звездою,
То спеет каша степняка
Под песнь родную чумака!..

Август

ОСЕНЬ

Настала осень; непогоды
Несутся в тучах от морей;
Угрюмеет лицо природы,
Невесел вид нагих полей;
Леса оделись синей тьмою,
Туман гуляет над землею
И омрачает свет очей.
Все умирает, охладело;
Пространство дали почернело;
Нахмурил брови белый день;
Дожди бессменные полились;
К людям в соседки поселились
Тоска и сон, хандра и лень.
Так точно немочь старца скучна;
Так точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

23 ноября

ПОСЛАНИЕ МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Напрасно думаешь слезами
Тоску от сердца ты прогнать:
Всевышним богом — не людями
Тебе назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Расстаться с тем, что так любимо;
Что мило — больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Так, верно, верно: ты несчастна;
Твоей души супруг прекрасный
Так скоро отказался жить.
Он жертва смерти, он зарыт.
Но что? ужель весну младую
Слезам ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
В тоске ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудет памятна всегда?
Ужель, что было, забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски от сердца не прогнать:
Всевышним богом, а не нами
Тебе положено страдать.

27 декабря

РАЗМОЛВКА

Теперь ясней
Уж вижу я,
Что огнь любви
Давно потух
В груди твоей.
Но что виной,
Могу ли знать?
Бывало, ты —
Сестра и друг;
Бывало, ты —
Совсем не та!
А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваный гость,
Долой с двора!
Немилый друг,
Не знай меня!
Ах, рад не рад —
Пришлось и мне
Сказать с слезой:
Прости-прощай,
Любезный друг
И недруг мой!

СПЯЩИЙ ЮНОША

О, всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Еще не знает он, чтó скука,
Чтó беспредельная любовь,
И как тяжка любви разлука,
И как хладеет в сердце кровь;
Не знает жизненной заботы,
Тяжелых снов и страшных бед,
И мира гибельных сует,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства света и людей,
Надежд, желаний и страстей.
Теперь он резвится, играет,
Незрелый ум мечтой питает.
Во сне испуг его не будит,
Нужда до солнца встать не нудит,
Печаль у ложа не стоит, —
Священным сном невинность спит...
Но эти дни как тень проходят,
Прекрасный мир с собой уводят...

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

ПРЕКРАСНОЙ ПОСЕЛЯНКЕ

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И в ком чудесная мечта
Груди б младой не взволновала,
Когда б ты на скале крутой,
Одна, над бездною морской,
Как дева Пушкина, стояла
Под белым флагом покрывала?..
И вкруг тебя одеждой снежной
Зефир приветливо б играл;
По сгибу плеч, по шее нежной
Свитые кудри развивал?..
Когда б , качаяся, дремало
Перо на шляпке голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью девственной, святой?..
Тогда б, в сердечном упоеньи
Склонив колена пред тобой,
В избытке чувства, в исступленьи,
Сгорел бы весь, как огнь степной!..

НОЧЛЕГ ЧУМАКОВ

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной.
В степи и пасмурно и темно:
Ни звезд блестящих, ни луны
На небе нет; и тишины
Ночной никто не нарушает;
Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звеня над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
На тагане котел висит;
Чумак раздетый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит.
За табором невдалеке
Волы усталые пасутся;
Они никем не стерегутся.
Беспечно пред огнем в кружке
Хохлы чумазые, седые,
С усами хлопцы молодые,
Простершись на траве, лежат
И вдаль невесело глядят.
Чем чумаков прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
Чем ныне так развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...

Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украйны вольныя сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

1829

Я БЫЛ У НЕЙ

Я был у ней; она сказала:
«Люблю тебя, мой милый друг!»
Но эту тайну от подруг
Хранить мне строго завещала.

Я был у ней; на прелесть злата
Клялась меня не променять;
Ко мне лишь страстию пылать,
Меня любить, любить, как брата.

Я был у ней; я с уст прелестной
Счастливое забвенье пил
И все земное позабыл
У девичьей груди прелестной.

Я был у ней; я вечно буду
С ее душой душою жить;
Пускай она мне изменит —
Но я изменником не буду.

7 января

ПЛАЧ

На что мне, боже сильный,
Дал смысл и бытие,
Когда в стране изгнанья
Любви и братства нет;
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят;
И черные туманы
Скрывают правды свет.
Я думал: в мире люди
Как ангелы живут,
Я думал, в тайных мыслях
Один у них закон:
К тебе, царю небесный,
Любовью пламенеть,
И ближним неимущим
Без ропота души
Последнюю копейку,
Как братьям, уделять.
А люди — те же звери:
И холодны и злы;
Мишурное величье —
Молебный их кумир,
А золото и низость —
Защитник их и бог.
И ты, отец небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них.
О, просвети мне мысли,
Нерадостны они,
И мудрости светильник
Зажги в моей душе.

Январь

ОТВЕТ НА ВОПРОС
О МОЕЙ ЖИЗНИ

Вся жизнь моя — как сине море,
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.
Уступят ветры — и оно
Сровняется, как полотно.
Иной порою, в дни ненастья,
Все в мире душу тяготит;
Порою улыбнется счастье,
Ответно жизнь заговорит;
Со всех сторон печаль порою
Нависнет тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа в то время холодна;
То мигом ясная година
Опять настанет — и душа
Пьет радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Как вод волшебное стекло, —
И горя будто не было...

17 марта

ИССТУПЛЕНИЕ

Увижу ль, увижу ль
Красавицу я, —
Заноет, забьется
Сердечко в груди.

Посмею ль, могу ли
В сей жизни хоть раз
Я милую эту
Своею назвать?

На груди лилейной
В объятьях любви,
Забывшись, навек бы
Счастливец уснул.

Скажите: пред нею
Что можно сравнять?
Прелестные очи,
Как звезды, горят.

По щечкам разлился
Румянец зари;
А кудри?.. а брови?..
Сравненья им нет!

Как майское утро
Улыбка ее;
Как живо, как стройно
Созвучье речей.

Ах, если бы, к счастью,
Я был чародей:
Неволей иль волей
Была бы моей.

Январь — апрель

* * *

Ничто, ничто на свете
Меня не веселит
С тех пор, как я расстался
С подругой навсегда;
С тех пор, взгляну ль на юных,
Играющих девиц,
Вздохну, и горьки слезы
Польются из очей.
Они, кружась, резвятся,
Как ласточки весной,
Моим слезам смеются
С улыбкою любви.
Красавицы младые,
И я здесь счастлив был,
И я в пирах веселых
Шутил, подобно вам.
Но рано рок суровый
Сказал: расстанься с ней.
С тех пор я не встречаю
Уж радости нигде.

Январь — апрель

ПОСЛАНИЕ В. Г. О.

Служил я прежде Лизе скромной,
Служил, как долгу гренадир,
Как Дафне добренькой сатир.
И чтоб была она довольной,
Я все намеки и желанья
Любил немедля выполнять.
Но наконец без воздаянья
Мечтам был должен отказать.
Я ждал еще, я ждал чего-то,
Надежда мне сулила что-то;
Надежда скрылась — я забыт,
Как дряхлый, старый инвалид.
Но ты, соперница Венеры,
Мои мечты, мои химеры
Желаньем оживила вновь;
И в сердце чистом, непорочном,
Как солнцем — в янтаре восточном,
Зажгла безгрешную любовь.
Отнынь прошу, друг новый, нежный,
Царицей будь души моей,
Будь гений добрый и надежный
Моих во мгле текущих дней.
И я в свободные мгновенья,
Желаньям вашим в угожденье,
Раз пять в неделю буду рад
По вкусу дамскому для чтенья
Романов лучших присылать.
А может быть, тебе, мой гений,

Моих неловких песнопений
Когда-нибудь пришлю тетрадь.
Но вы, вы спросите: награда
Велика ль, добрый трубадур?
Червонной пыли мне не надо.
Букет цветов да два-три взгляда —
И я доволен чересчур.

27 апреля

ПРЕСТАРЕЛЫЙ КАЗАК

Зачем так скоро скрылась ты,
Казачья юность удалая?
О жизнь залетная, драгая,
Где ты теперь, где ты?
Бывало, смелая рука
Сверкнуть булатом не робела
И в буйной груди казака
Отвага бурная горела
Неугасаемым огнем.
Без страха, робости, — с мечом
Я в огнь и в полымя бросался,
С отрядом целым я встречался,
Нещадно всех рубил, колол,
Для всех с собою смерть я вел.
Бывало, чуждые дружины
Едва лицо мое зазрят, —
Уже валятся ряд на ряд
На лоно стонущей долины.
Теперь уж нет могучих сил!
Осьмой десяток мне пробил.
В мой угол старость заглянула.
И слабость принесла с собой.
Теперь трепещущей рукою
Я смерть лениво отгоняю
И умереть скорей желаю.
Как после сечи, после драки,
Бывало, ждал донец венца,
Так нынь в курене бурлака

Он ждет последнего конца.
Ах! лучше б с именем героя
В дыму, в огне, средь пуль и боя
Врагу насунуться на меч
И на долине чести лечь,
Чем здесь в безвестности постылой
Томиться над своей могилой.

4 мая

НА ОТЪЕЗД Д. А. КАШКИНА В ОДЕССУ

Что груди тяжельше?
Что сердцу больней?
Что конь мой удалый
Споткнулся не раз?
Иль заяц трусливый
Мой путь перебег?
Уж видны мне кровли
Родных и друзей
И храма святого
Сияющий крест.
О чем же ты грустном
Пророчишь, душа?..
Уж обнял с восторгом
Счастливец семью.
Но где ж, о родные,
Бесценный мой друг?
Он отбыл надолго
В низовы края...
Недаром же конь мой
Споткнулся не раз,
Недаром же сердце
Вещало печаль!..
Когда ж возвратишься
В родную страну?
Дождусь ли в уныньи
Тебя, друг, назад?

2 августа

К М...

Вы милы всем, вы очень скромны;
Не спорю я, ваш кроток нрав,
Но я узнал, что он притворный,
Что он с природы так лукав.
В вас нет капризов, нет и чванства,
Но только много шарлатанства;
К тому ж ваш вежливый язык
И уверять и льстить привык.
К свиданьям тайным вы согласны,
Но те свиданья мне опасны,
Затем что в них сокрыт обман
Иль вновь затеянный роман.
В веселый час хоть вы твердите:
«Забудьте прежнее — любите!» —
Да как, скажите, вас любить,
Как непорочность обольстить?
О нет, такие мне оковы
Немилы, как венок терновый,
Притом же хладная любовь
В объятиях застудит кровь.
Сказать велите ль откровенно:
Вовек такой, как вы, презренной,
Затем не соглашусь любить,
Чтобы осмеянным не быть.

6 октября

А. Д. ВЕЛЬЯМИНОВУ

Милостивый государь
Александр Дмитриевич!

В селе, при первой встрече нашей,
Для вас и для супруги вашей
Я, помню, обещал прислать
Торквата милое творенье,
Певца любви и вдохновенья;
И слова данного сдержать
Не мог донынь, затем что прежде
Обманут был в своей надежде.
Но обещанью изменить
За стыд, за низость я считаю —
И вот, успел лишь получить
Две книги, вам их посылаю.
Мне лесно вам угодным быть.
Так — незначительный мечтатель —
Я вашим мненьем дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекрасного...

Вам покорнейший
Мещанин Алексей Кольцов.

9 октября

К М...

Подобных Маше очень мало
И в мире равных не бывало:
Лицо, движенья, речь и взгляд
Стальное сердце распалят.
Любить ее и я бы рад,
Когда б в груди не крылось жало,
Когда б в любви ее — не яд.

12 октября

К ПОДРУГЕ МОЕЙ ЮНОСТИ

Зачем ты, дева, не желаешь
Со мною быть наедине?
Скажи, скажи: зачем при мне
Ты так робеешь, так скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебе кажусь я страшен?
О, верь мне, верь: я не опасен!
Я весь перед тобой открыт,
И в сердце лишь любовь горит.
Ты помнишь, друг мой, с юных лет
С тобою мы росли, резвились,
И что на мысли не придет,
Мы всем доверчиво делились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дева, презираешь,
И средь людей, и одному
Невинных чувств не доверяешь.
Оставь, красавица, свой стыд,
Не будь ко мне ты равнодушна;
Будь так, как прежде, простодушна,
Как прежде, будем братски жить.

25 октября

ПЕСНЯ

Очи, очи голубые,
Мне вас боле не встречать!
Девы, девы молодые,
Вам меня уж не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
В сердце опытном слилися
Лишь отзывы старины.

Ах, на что же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостные были,
Ласки юной красоты?

Мне ль приветливым казаться,
С хладным сердцем вновь любить?
Мне ль надеждой обольщаться?
Беспробудно друг мой спит...

12 ноября

ПЕСНЯ

Увижу ль я девушку,
Увижу ль я красную —
Забьется неволею
Сердечко удалое
Любовью сердечною.

«Полюбишь ли, девушка,
Полюбишь ли, красная,
Без модной учтивости
Любовию верною
Удалова молодца?

Ах, что же ты, девушка,
Ах, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намерена
Удалова молодца?» —

«Любила б я молодца,
Любила б удалова;
Но мне ли, сироточке,
Бескровной и бедненькой,
Ласкаться любовию?

Желаю ль я, девушка,
Желаю ль я , красная,
Палат раззолоченных,
Искусством украшенных,
И блесков обманчивых?» —

«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характер добренький,
За стыдливость детскую,
Всем девицам сродную».

16 ноября

ТЕРЕМ

Там, где терем тот стоит,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
В благовонный май прекрасный!

Чем же терем этот мил?
Чем меня он так пленил?
Он не пышный, он не новый,
Он бревенчатый — дубовый!

Ах, в том тереме простом
Есть с раскрашенным окном
Разубранная светлица!
В ней живет душа-девица.

Как-то встретился я с ней —
Не свожу с тех пор очей;
Красна ж девица не знает,
По ком грудь моя вздыхает.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженым не я —
Тот богатый, я без хаты —
Целый мир мои палаты!

Вещун-сердце говорит:
«Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
С чужой-дальней стороною...»

16 ноября

ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ

Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом вышнего творца,
На груди матушки родимой,
В объятьях нежного отца.
Будь добродетелен душою,
Велик и знатен простотою;
На сцену света ты взойдешь
Любимцем ли слепой фортуны,
Или, как я, полюбишь струны
И посох бедный понесешь, —
В высоком звании пред бедным
Счастливой долей не гордись!
Но с ним — чем бог послал — последним,
Как с рóдным братом, поделись.
Суму дадут, — не спорь с судьбою;
У бога мы равны; пред ним
Смирися с детской простотою —
И с сердца грусть слетит, как дым.
Пробудишь струны, — пой без лести!
Будь неподкупен в деле чести;
Люби творца, своих владык
И будь в ничтожестве велик.

23 ноября

ПИСЬМО К Д. А. КАШКИНУ

Давно, за суетой бессрочной,
К тебе я, милый, не писал
И в тихий край земли полночной
Докучных строк не посылал;
Давно на лире я для друга,
В часы свободы и досуга
Сердечных чувств не изливал.
Теперь, освободясь душою
От беспрерывных бурь мирских
И от забот и дел моих,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый друг! И ты,
Взамену хладной пустоты,
С улыбкой, дружеству пристойной,
Глас лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудов — виновник я!»
Так точно, друг, мечты младые,
И незавидливый фиал,
И чувств волненье ты впервые
Во мне, как ангел, разгадал.
Ты, помнишь, раз сказал: «Рассей
С души туман непросвещенья
И на крылах воображенья
Лети к Парнасу поскорей!»
Совету милого послушный,
Я дух изящностью питал;
Потом, с подругою воздушной
Нашедши лиру, петь начал;
Потом в час лени молчаливой
Я рано полюбил покой,
Приют избушки некрасивой

И разноцветный садик мой,
Где я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Где долго в думы погружаюсь
И, друг, тебя благодарю
За те нельстивые советы,
Какими хвалятся поэты.

5 декабря

СЕСТРЕ

ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОВ

Сестра! вот были чудных снов,
Вот звуки самодельной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы ж кто знает назначенье?
Быть может, раньше я других
Не окажусь в семье живых.
Пройдет год-два, — за суетою,
За лживой радостью мирскою
Забудешь ты меня; но вмиг
Когда-нибудь прочтешь мой стих,
Вспомянешь брата — и вздохнешь,
И сладких слез поток прольешь.

11 декабря

* * *

Пишу не для мгновенной славы —
Для развлеченья, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

14 декабря

МЕЩАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Итак, вчерашний разговор
Свершил нежданный приговор.
Не нужны темные намеки,
Ни ясный, ни лукавый взор,
Где в честь за поцелуй — упреки,
За ласки — дерзостный укор,
За шутку скромную — презренье
Платить обратно в награжденье
И доводить враждой до слез.
Что взгляд последний произнес?
Вы думали, меня смутите?
Нет, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить — любите,
А нет — прощайте! Чтó вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новых благ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презренного скорей;
А я найду, поверь, другую
Себе красавку городскую,
Тебя моложе и милей.

19 декабря

А. П. СРЕБРЯНСКОМ

Не посуди: чем я богат,
Последним поделиться рад;
Вот мой досуг; в нем ум твой строгий
Найдет ошибок слишком много;
Здесь каждый стих, чай, грешный бред.
Что ж делать: я такой поэт,
Что на Руси смешнее нет!
Но не щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки...
Когда б свобода, время, чин,
Когда б, примерно, господин
Я был такой, чтоб только с трубкой
Сидеть день целый и зевать,
Роскошно жить, беспечно спать, —
Тогда, клянусь тебе, не шуткой
Я б вышел в люди, вышел в свет.
Теперь я сам собой поэт,
Теперь мой гений... Но довольно!
Душа грустит моя невольно.
Я чувствую, мой милый друг,
С издетских лет какой-то дух
Владеет ею не напрасно!
Нет! я недаром сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

ПРИДИ КО МНЕ

Приди ко мне, когда зефир
Колышет рощами лениво,
Когда и луг и степь — весь мир
Оденется в покров сонливый.

Приди ко мне, когда луна
Из облак в облака ныряет
Иль с неба чистого она
Так пышно воды озлащает.

Приди ко мне, когда весь я
В любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпеливо дожидаюсь.

Приди ко мне, когда любовь
Восторги пылкие рождает,
Когда моя младая кровь
Кипит, волнуется, играет.

Приди ко мне; вдвойне с тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу к твоей груди младой
Со всею страстию прижаться...

* * *

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка;
На нее б я все глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я, —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

РАЗУВЕРЕНИЕ

Да! жизнь не то, что́ говорили
Мои мне книги и мечты;
Ее недаром заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встречая
И утро дня благословляя,
Я в мире все благословлял...
Дитя! я ласки расточал,
Я простирал мои объятья
Ко всем с любовию, как братьям!
Пришла пора, узнал и я,
Совсем не то, что прежде снилось,
Чем сердце юное пленилось,
О чем так сладко думал я...
Узнал родных — к родству холодных,
В друзьях — предателей притворных,
В толпах людей — толпы невежд;
Обманчивость земных надежд;
В обетах — лживые обманы;
В невинном взгляде — льстивый взор;
В умах возвышенных — туманы,
Надутой глупости позор...
Бог с ними! Я страну земную
С упреком тайным разлюбил;
Душой постигнул жизнь другую,
В ту жизнь мечты переселил
И странствую без дальних нужд,
Земли жилец, земного чужд.

* * *

Не мне внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья;
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья.

Прошла пора! Но в дни былые
Я слушал Филомелы глас;
Тогда-то в сумраки густые
Веселья огнь во мне не гас.

Тогда с Анютой милой, нежной
Часов полета не видал;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздник жизни пировал.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной боле нет...
С другим она... и я с тоскою
Встречаю дня огнистый свет.

Так мне ль внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья?
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья...

МЩЕНИЕ

(Отрывок)

Скажи: какие возраженья
Рассеют новые сомненья,
Какую снова хочешь лесть
В защиту чести произнесть?
Молчи, и слов не трать напрасно;
Я знаю все — и знаю ясно,
Когда... и где... и как... кто он...
Но ты, ты скажешь: это сон
Развил неверное виденье,
Чтоб поселить меж нас сомненье...
Напротив, слушай — я скажу.
Вчера бьет полночь, я лежу,
Не сплю, но спящим притворился
И чутким сном как бы забылся;
Вдруг слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала — и потом
Исчезла в сумраке ночном;
Я встал, гляжу: тебя уж нет.
Схватил кинжал, пустился вслед.
Но я не видел, как ты с ним
Дышала воздухом одним
И как в объятьях ты его
Пылала, млела и сгорала,
Как жарко друга своего
При расставаньи целовала...
Забывши страх, закон, себя,
Кровавым мщением горя,
Ужасным гневом пламенея,
Бегу... Нечаянно злодея,
Как тень могильную, схватил
И в грудь ему кинжал вонзил...

Где вы, любви моей мечты?
И кто довел?.. Теперь и ты
Страшись меня, как грешник ада;
Не то — подобная награда!..

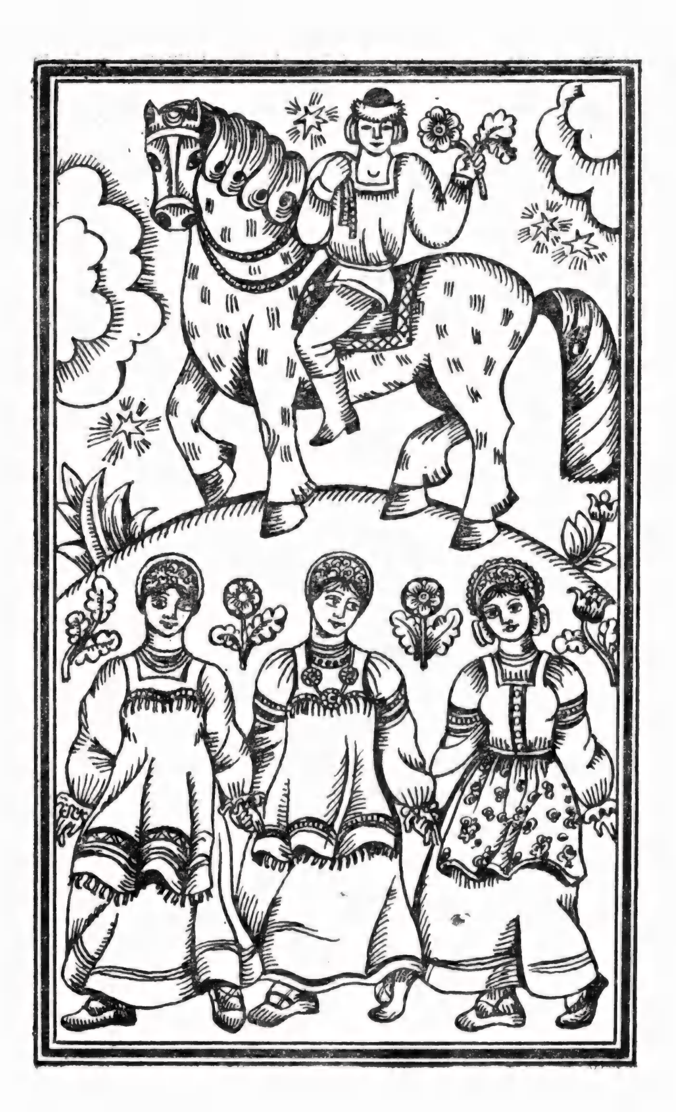
ПЕСНЬ РУСАЛКИ

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдем сегодня
На берег крутой

И песнию громкой
Луга огласим,
Леса молчаливы
И даль усыпим.

Нарвем мы цветочков,
Венки мы сплетем,
Любимую песню
Царицы споем;

А с утром, подруги,
Одна за другой
Сокроемся в волны
Падучей звездой.

ПОВЕСТЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

(Посвящаю
воронежским
девушкам)

Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство,
Таинство чудесное.
И у нас в Воронеже
Никому до этих пор
Не хотел открыть его;
Но для вас, для вас одних
Я его поведаю
И так, как по грамотке,
Как хитрец по карточкам,
Расскажу по-дружески
Повесть о самом себе.
Скучно и нерадостно
Я провел век юности:
В суетных занятиях
Не видал я красных дней;
Жил в степях с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкою
Один горе мыкивал.
От дождя в шалашике
Находил убежище,
Дикарем, степникою
Я в Воронеж езживал

За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми советами.
И в таких занятиях
Мне пробило двадцать лет.
Но, клянусь вам совестью,
Я еще не знал любви.
В городах все девушки
Как-то мне не нравились,
В слободах, в селениях
Всеми брезгал-гребовал.
Раз один в Воронеже —
Где — не помню, встретилась
Со мной одна девушка.
Смазливеньким личиком,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдруг сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не в силах был
Удержать порыв страстей —
И в ее объятиях
Уснул очарованный,
Упившись любовию;
И с тех пор той девушки
Стал я вечным пленником,
«Кто ж она?» — вы спросите,
Одноземки милые.
Не скажу... но если вы
По весельям ездите,
На гульбах бываете,
Там, поверьте мне,

Вы ее увидите:
Всех скромней, красивее,
Всех простей и ласковей,
Откровенней, радостней.

1830

МОЛОДОЙ ЧЕТЕ

Сбылось, что вы желали тайно.
Сбылось! настал желанный час:
Любовь благословила вас,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручке заблестит
И пастырь вас соединит.
И жизнь счастливая польется,
Как серебристый ручеек
Через муравчатый лужок,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба вас счастьем наградила,
И будет луч его светить
Весь век над ним и над тобой
Неизменимою звездой.
Но если вас — избави, боже! —
Когда день черный навестит,
Любовь все может усладить!
Любовь и дружба! Ты дороже
Всего на свете, ты одна
В несчастьи, в счастии равна.
Надежды, радости земные,
Мгновенья жизни дорогие
Изменчивы для нас всегда;
Прямая ж дружба — никогда!

4 января

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Пускай с насмешкою холодной
За скудный труд ругает свет;
Скажу с улыбкой благородной:
Я мещанин, а не поэт.

Январь

* * *

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, так нежно не гляди;
Со мной речей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна,
Как недруга, пренебрегай!
В беседах с злобою немою
Со мною встречи убегай.
Ах, ты неправдою такою
Меня, быть может, охладишь
И, к счастью, счастия лишишь!..

Апрель

ПЕСНЯ

Утратив то, что было мило,
Напрасно вновь к себе зову;
Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.
Теперь с тобой одно свиданье
Какой ценою б не купил;
Я за твое существованье
Земною б жизнью заплатил!
За нежный поцелуй, за встречу,
За блеск приветливых очей,
За жар любви, за звук речей
Я б голову понес на сечу.
Но нет, вовек не возвратить,
Что́ было так душой любимо!
Вовек и тень с страны незримой
К призывам друга не слетит.
О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы, из очей!
Без ней нет жизни меж людями —
Нет сердцу радостей без ней.

26 мая
Лебедянь

ТРИОЛЕТ

Прошу, оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.
В душе нет прежнего огня,
Прошу, оставьте вы меня.
Не зная вас, был весел я;
Узнал вас — радость улетела.
Прошу, оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.

4 июля

К ДРУГУ

Развеселись, забудь что было!
Чего уж нет — не будет вновь!
Все ль нам на свете изменило?
И все ль взяла с собой любовь?
Еще отрад у жизни много,
У ней мы снова погостим:
С одним развел нас опыт строгий,
Поладим, может быть, с другим!
И что мы в жизни потеряли,
У жизни снова мы найдем!
Что нам мгновенные печали?
Мы ль их с тобою не снесем?
Что грусть земли? ужель за гробом
Ни жизни, ни награды нет?
Ужели там, за синим сводом,
Ничтожество и тьма живет?
Ах, нет! кто мучится душою,
Кто в мире заживо умрет,
Тот там, за дальней синевою,
Награды верные найдет!
Не верь истления кумиру,
Не верь себе, не верь людям,
Не верь пророчащему миру,
Но веруй, веруй небесам!
И пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит,
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит и страшит, —
Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я;
Могильной тенью в прах низринусь,
Но скорби не отдам себя!..

11 июля, полночь

К N...

Опять тоску, опять любовь
В моей душе ты заронила
И прежнее, былое вновь
Приветным взором оживила.
Ах! для чего мне пламенеть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткий ангел, друг мой нежный,
Не мой удел тобой владеть!
Но я любим, любим тобою!
О, для чего же нам судьбою
Здесь не даны в удел благой,
Назло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнем любви святым,
Доверься ж, хоть на миг моим
Объятиям! Я не нарушу
Священных клятв — их грудь хранит,
И верь, страдальческую душу
Преступное не тяготит...

19 июля

В АЛЬБОМ NN

Что мне, скажите, написать
В альбом для милой девы?
Напрасный труд! Мои напевы
Едва ль прекрасную пленят;
Притом, что ей сказать, о чем?
Хвалить ее напрасно —
Она, как день, прекрасна,
Как серафим без крыл, мила, —
То что пред нею похвала!

24 июля

ПОСЛАНИЕ Н... П...

И вы на нас грозой хотите?
И вы, и вы кинжал острите
Отцу на старческую грудь!
Накажет бог когда-нибудь!
Припомните, что прежде были.
Притом не вы ль мне говорили:
«Я б мог давно — но не хочу;
Нет, я и извергу не мщу,
Нет, я не с варварской душою, —
За зло плачу я добротою».
Враги ль мы вам? Пусть бог сразит,
Кто черный замысел таит!
Злодеи ль мы? За что ж хотите
Полуубитого добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинных ранить, — даже сродно...
Но тот не человек — злодей!
Вы ж покровитель, друг людей,—
Держите ж слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцу на старческую грудь:
Ей время в жизни отдохнуть.

25 июля

НЕИЗМЕНИМОСТЬ

Мой друг, любовь нас съединяет,
А невозможность разлучает;
Иль на роду уж дано мне
Любить любезную во сне?
А наяву — в тоске, в мученьи
С тобою быть, подле сидеть
И лобызать тебя не сметь;
И в ожиданьи и в сомненьи
И дни и ночи проводить!..
Мы хочем время улучить,
Где б можно было мне прижаться
К трепещущей груди твоей,
На снег ланит, на огнь очей
Где б мог глядеть и любоваться.
Но нет! Подглядливые очи
И тут и там, везде следят;
И днем и в час глухой полночи
Они нас, друг мой, сторожат.
И как укрыться нам от взора
Недоброхотливых людей?
Как неизбежного дозора
Нам избежать во тьме ночей?
И как завистников тиранов
Иль отклонить, иль обмануть?
Какою силой талисманов
Их очи зоркие сомкнуть?
Но, друг! пускай они глядят
На нас; за нами замечают,
Любить друг друга запрещают;
Пусть делают что, как хотят.
Но мы друг другу верны оба:
Любовь моя, твоя — до гроба!
То что они, что их дозор,
Что нам упрек, что нам позор?

Мы стерпим все: и хоть украдкой,
Хоть мыслью, хоть надеждой сладкой
. . . .
А все не запретят любить,
Земные радости делить.

28 июля

ЭЛЕГИЯ

В твои объятья, гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Сокрыться от людей хочу.
Скорее, смерть, сверкни косою
Над юною моей главою!
Немного лет я в мире жил...
И чем сей мир повеселил?
И кто с улыбкой мне отрадной
От сердца нежно руку жал?
Со мной кто радостью желанной
Делил веселье и печаль?
Никто! Но в сей стране пустынной
Один лишь был мне верен друг,
И тот, как песни звук отзывный,
Как огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней заре потух.
Одна звезда меня пленяла
Еще на небе голубом
И в черном сумраке густом
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — с тех пор
Приветных звезд не видит взор.
Без ней, как сирота безродный,
Влачусь один в толпе людей,
С душою мрачной и холодной,
Как нераскаянный злодей.
С людями, братьями моими,
Еще хотел я жизнь делить;
По-прежнему хотел меж ними
Я друга по сердцу найтить.
Но люди взорами немыми

С презреньем на меня глядят
И душу хладную мертвят.
К тебе от них, о гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Покоя тихого ищу.
О, смерть! сомкни скорей мне вежды!
Верни загробные надежды.

30 июля

СОВЕТ СТАРЦА

Скучно с жизнью старческой,
Скучно, други, в мире жить;
Грустно среди пиршества
О могиле взгадывать
И с седою мудростью
К ней, наморщась, двигаться.
Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнию!
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности!
Много ль раз роскошная
В год весна является?
Много ль раз долинушку
Убирает зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно ль мгновение
И весне и юности?

1 августа

К Ж...

Не мучь, красавица моя,
Не мучь напрасным ожиданьем,
И так уже измучен я,
И так томительным страданьем
Душа влюбленная убита;
Она давно тоской покрыта.
К чему ж незажитые раны
Ты хочешь боле растравлять?
Скажи: придут ли дни желанны
Иль нам их вечно не видать?
Иль ты с притворною душою
Смеешься, шутишь надо мною?
Теперь — увы! — в последний раз
Я жду любезного привета.
Жестокая! прощальный час!
Порадуй ласкою ответа!
Скажи, скажи! Но — дикий взор!..
Где сила снесть сей приговор!

8 августа

ВЕЧЕР

Уж рощей лиственная сень
Росой коралльною дымится,
И чуть заметливая тень
На долы, на поля ложится;
Ленивый ветерок, порхая
И поминутно утихая,
Природу клонит в сладкий сон;
Уж с нею засыпает он.
Один я в темной тишине,
Оставив свой семейный круг,
С раздумьем сердца в глубине,
Иду на освеженный луг;
На нем я с новою отрадой
Дышу вечернею прохладой,
И с новой радостью земной
Веду беседы я с луной:
О смерти, вечности, о жизни,
О нашей будущей отчизне,
О наших будущих мирах
И преселенцах-мертвецах,
Которые, как мы, здесь жили
И дух горе́ переселили.
Ах, что на их там стороне?
Видна ли тайна назначений?
Что не постиг здесь гордый гений —
То там постигнуто ль вполне?
О, для чего с земли судьбою
Живым в удел не дано нам
Туда к ним улетать душою?
Я б, с ними привитая там,
Учился б жить с самим собою;
Но я веригою земной,
Как цепию невольник злой,

Надолго связан и окован —
Мой дух неволей очарован
И дольним счастием прельщен.
В земных он таинствах теряясь
И для небесных омрачен,
Бескрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется он...
Луна! ты, житель горних стран,
Ты беспредельный океан
Без утомленья протекаешь;
Луна! быть может, ты бываешь
И в тех странах, — поведай мне
О тайнах их... Но в тишине
Ты, ход урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крест и гроб,
И отдаленный неба свод,
Лишь светишь нам, как все те звезды,
В знак доброй для людей надежды.

20 августа
Старобельск

ЗЕМНОЕ СЧАСТИЕ

Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой
И за корысть — родного брата
Тревожит радостный покой;
Не тот, кто с буйными страстями
В кругу прелестниц век живет,
В пирах с ничтожными глупцами
Беседы глупые ведет
И с ними ценит лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранит, не дремля, под замками.
Не тот счастлив, не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом
И кто свое величье ставит
На полразрушенном другом!
Он пренебрег земли законы,
Он, презирая вопль и стоны,
И бедной, горестной мольбе
Смеется вперекор судьбе!..
Он бога гнев, он кары неба
Считает за ничтожный страх;
Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего — и прав!
Не он! — Но только тот блажен,
Но тот счастлив и тот почтен,
Кого природа одарила
Душой, и чувством, и умом,
Кого фортуна наградила
Любовью — истинным добром.
Всегда пред богом он с слезою
Молитвы чистые творит,
Доволен жизнию земною,

Закон небес боготворит,
Открытой грудию стоит
Пред казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчий кров
Собой пожертвовать готов.
Он, и немногое имея,
Всегда делиться рад душой;
На помощь бедных, не жалея,
Все щедрой раздает рукой!

20 августа
Старобельск

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что душу в юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
И полюбило не на час, —
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цель найтить,
Хочу другое так же полюбить!
Напрасно все: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько к ложу льнет,
Печально руку мне дает,
И сладкою мечтой вновь сердце очарует,
И очи томные к моим очам прикует!..
И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждущей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе, иль вечности с тобою?..

21 августа
Близ Мур-могилы

МУКА

Осиротелый и унылый,
Ищу подруги в свете милой, —
Ищу — и всем «люблю» твержу, —
Любви ж ни в ком не нахожу.
На что ж природа нам дала
И прелести и розы мая?
На что рука твоя святая
Им сердце гордым создала?
Ужель на то, чтоб в первый раз
Пленить любовию священной,
Потом упорностью надменной
Сушить и мучить вечно нас?
Ужель на то, чтоб радость рая
В их взоре видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
В любови муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развейся ж, грешная мечта,
Проси от неба воздаянья!

27 августа
Кирчинская слобода

СИРОТА

Когда мне шел двадцатый год,
Я жил звериной ловлей
И был укрыт от непогод
Родительскою кровлей.
Отец мой всех был богатей,
Всяк знался с нашей хатой,
Был хлеб, был скот рогатый...
Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась;
Такому счастию родня
С досадой улыбалась.
И кто б подумать прежде мог,
Что после с нами стало:
Прогневался на грешных бог —
Что было, все пропало.
Два года не рожался хлеб,
Иссохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на двор — и денег нет!
Травою заросло гумно,
Кошары опустели,
С последним нищим заодно
И в праздник мы говели.
Еще б мой жребий сносен был,
Но с бесталанной доли
Я всю семью похоронил...
От скорби и от боли
Без них для горького меня
И радости скончались;
Чуждалась бедного родня,
Соседи удалялись.
Пришлось с могилою родных
Навеки распроститься

И горевать среди чужих
С пустой сумой пуститься.
И люди мирных деревень,
Живя без нужд, не знают,
Что вся мне жизнь есть черный день,
Иль, зная, — забывают.

4 сентября
Кокенское поле

ПЕСНЯ

На что ты, сердце нежное,
 Любовию горишь?
На что вы, чувства пылкие,
 Волнуетесь в груди?
Напрасно, девы милые,
 Цветете красотой,
Напрасно добрых юношей
 Пленяете собой, —
Когда обычьи строгие
 Любить вас не велят,
Когда сердца холодные
 Смеются, други, вам.
Любовь, любовь чистейшая,
 Богиня нежных душ!
Не ты ль собою всех людей
 Чаруешь и живишь?
Сердца, сердца холодные,
 Не смейтеся любви!
Она — и дев и юношей
 Святыня и кумир.

5 сентября
Близ Славяносербска

КОЛЬЦО

(Песня)

Я затеплю свечу
Воска ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября

СЕЛЬСКАЯ ПИРУШКА

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на санях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора повели
В светлу горенку.
Перед спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горькова;*
Сам хозяин за ней
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Ро́дных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом

С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб уродит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

21 сентября

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада

21 сентября

ВЗДОХ НА МОГИЛЕ ВЕНЕВИТИНОВА

Какие думы в глубине
Его души таились, зрели?
Когда б они сказалися вполне,
Кого б мы в нем, друзья, узрели?
Но он, наш северный поэт,
Как юный лебедь величавый,
Средь волн тоскуя, песню славы
Едва начал — и стих средь юных лет!

30 октября

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость — мгновенье.
Пейте до дна!
Громкие песни
Гряньте, друзья!
Пусть нас веселых
Видит заря!
Ныне пируем —
Юность на час —
Нынче веселье,
Радость у нас!
Завтра что будет,
Знаю ль, друзья?
Пусть нас веселых
Видит заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте в бокалы
Больше вина!
Ну-те ж все разом
Выпьем до дна!
Пусть нас веселых
Видит заря!

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
В желаньи счастья время трачу,
И, вечно недовольный, плачу!
Чего ж ищу? к чему стремлюсь?
В какой стране, на что гожусь?
Есть люди: досмерти желают
Вопросы эти разгадать.
Но что до них! Пусть как хотят
О всем серьезно рассуждают.
Я недоросль, я не мудрец,
И мне нужнее знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажком я, как слепец;
С смешным сойдусь ли — посмеюсь;
С прекрасным встречусь — им пленюсь;
С несчастным от души поплачу,
И не стараюсь знать — что значу.

УТЕШЕНИЕ

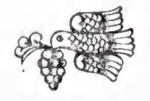
Как жаль, что счастия звезда
На небе вашем закатилась!
Но разве горесть навсегда
С судьбою вашей породнилась?
Пройдет зима — настанет май.
Беда — глупа, взведет на счастье.
Всяк провиденью доверяй:
Оно нас ценит без пристрастья.
Пусть кто доволен здесь неправо
Или неправо кто гоним...
Земные радости — с отравой,
Отрава — с счастием земным.
Все постоянно — лишь за морем,
И потому, что нас там нет;
А между тем кто минут горем?
Никто... таков уж белый свет!..

К РЕКЕ ГАЙДАРИ

Стою, зловещей думы полн,
При шепоте, при плеске волн...
Гайдарь! все теми ж ты волнами
Катишься вдаль, как и всегда,
Такими ж светлыми водами
Поишь людей, поишь стада;
И те ж в тебе глядятся горы
И моются корни лесов;
Все те ж кругом поля, озеры,
Все так же ночью вдоль брегов
На лодке, легкой и качливой,
Плывет веселый рыболов;
По влаге сонной, прихотливой
Кидает сеть он — и вперед
Веслом размашисто гребет,
И песнь Украйны для забавы,
Без мыслей, без желаний славы,
Напевом прадеда поет!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой век тебе не изменил;
А я, старик, всю жизнь прожил...
Где ж вы, благие упованья,
Где ты, священный сердца жар?..
Катися, светлая Гайдарь,
Неси с собой мои стенанья!

УТЕШЕНИЕ

Внимай, мой друг, как здесь прелестно
Журчит серебряный ручей,
Как свищет соловей чудесно.
А ты — один в тоске своей.
Смотри: какой красой в пустыне
Цветы пестреются, цветут,
Льют ароматы по долине
И влагу рос прохладных пьют.
Вдали там тихо и приятно
Раскинулась березы тень,
И светит небосклон отрадно,
И тихо всходит божий день.
Там вешний резвый ветерок
Играет, плещется с водами,
Приветно шепчется с листами
И дарит ласками цветок.
Смотри: на разноцветном поле
Гостит у жизни рой детей
В беспечной радости на воле;
Лишь ты, мой друг, с тоской своей...
Развеселись!.. Проснись душою
С проснувшейся для нас весною;
Хоть юность счастью посвятим!
Ах! Долго ль в жизни мы гостим!..

1831

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

26 ноября

* * *

Мой друг, мой ангел милый,
Тебя ли я с такою силой,
Так нежно, пламенно лобзал
И к нежной груди прижимал?
Или в минуту исступленья,
В жару сердечного волненья,
Я обнимал одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Как упоителен душе влюбленной
Живой твой взор полусмущенный,
Твой жгучий, страстный поцелуй! —
Приди же вновь! страдальца поцелуй!
Тобой любимым быть прекрасно!
Прекраснее — тебя любить!
Что муки мне? Душою страстной
О милой сладко мне грустить!

СОЛОВЕЙ

(Подражание Пушкину)

Пленившись розой, соловей
И день и ночь поет над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет...
На лире так певец иной
Поет для девы молодой;
Он страстью пламенной сгорает,
А дева милая не знает —
Кому поет он? отчего
Печальны песни так его?..

ВИДЕНИЕ НАЯДЫ

Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной.
Я слег
Под стог,
И, дремля в скуке праздной,
Уснул; уснул — и вижу сон:
На берегу морском, под дремлющей сосною,
С унылою душою,
Сижу один; передо мною
Со всех сторон
Безбрежность вод и небо голубое —
Все в сладостном ночном покое,
На все навеян легкий сон.
Казалось, море — небеса другие,
Казались морем небеса:
И там и здесь — одни светила золотые,
Одна лазурь, одна краса
В объятьях дружбы дремлет.
Но кто вдали, нарушив тишину,
Уснувшую волну
Подъемлет и колеблет?
Прелестная, нагая
Богиня синих вод —
Наяда молодая;
Она плывет,
Она манит, она зовет
К себе на грудь мои объятия и очи...
Как сладострастный гений ночи,
Она, с девичьей красотой,
Являлась вся сверх волн нагой
И обнималася с волной!..
Я с берегов, я к ней... И — чудо! — достигаю.
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я с ней! — ее я обнимаю,

С боязнью детскою ловлю
Ее приветливые взгляды;
Сжимаю стан Наяды,
    Целую и шепчу: «Люблю»!
Она так ласково ко мне главу склонила;
Она сама меня так тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
    Я чувствовал, в душе моей
Рождалась новая, невидимая сила,
И счастлив был я у ее грудей...
То, от меня притворно вырываясь,
Она, как дым, сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько в даль плыла;
То, тихо отклонив она меня руками,
            Невидима была;
    То долго под водами
Напевом чудным песнь поет;
    То, охватив меня рукою,
    Шалит ленивою водою
    И страстный поцелуй дает;
То вдруг, одетые в покров туманной мглы,
Идем мы в воздухе до дремлющей скалы,
С вершины — вновь в морскую глубину!
    По ней кружимся, в ней играем,
    Друг друга, нежась, прижимаем
            И предаемся будто сну...
Но вспыхнула во мне вся кровь,
    Пожаром разлилась любовь;
    С воспламененною душою —
    Я всю ее объемлю, всю обвил...
Но миг — и я от ужаса остыл:
Наяда, как мечта, мгновенно исчезает;
Коварное мне море изменяет —
    Я тяжелею, я тону
    И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною

Со всех сторон валы встают стеною;
Разлился мрак, и с мрачною душой
Я поглощен бездонной глубиной...
Проснулся: пот холодный
Обдал меня...
«Поэзия! — подумал я, —
Твой жрец — душа святая,
И чистая, и неземная!»

1832

ДОМИК ЛЕСНИКА

В темном лесе, за рекой
Стоит домик небольшой,
С двумя светлыми окнами,
С распашными воротами.

Под замкóм те ворота,
И калитка заперта —
Чтоб не вшел туда рогатый,
Леший страшный и косматый;

Чтоб не вшел туда упырь,
Ни проезжий богатырь.
Кто ж живет тут одиноко,
От жилья кругом далеко?..

Рыболов ли небогатый?
Иль разбойник бородатый?..
В нем спасается мольбой,
С сундуками и казной,

Лесной староста, с женою,
С третьей дочкой молодою.

Он живет здесь с давних пор,
Караулит царский бор.

И для ней старик седой
Замыкает домик свой, —
Чтобы в каменны палаты
Не увез купец богатый;

Чтоб боярин окружной
Не прильнул бы к молодой
Безотвязной повиликой, —
Чтоб не быть ей горемыкой.

ИССТУПЛЕНИЕ

Духи неба, дайте мне
Крылья сокола скорей!
Я в полночной тишине
Полечу в объятья к ней!

Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно к груди полной,
Как пчела к цветку, прильну,
Сладострастьем усыпленный,
Беспробудно я засну.

ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЕЛЯНИНА

На восьмой десяток
Пять лет перегнулось;
Как одну я песню,
Песню молодую
Пою, запеваю
Старою погудкой;
Как одну я лямку
Тяну без подмоги!
Ровесникам детки
Давно помогают,
Только мне на свете
Перемены нету.
Сын пошел на службу,
А другой в могилу;
Две вдовы невестки;
У них детей кучи —
Все мал-мала меньше;
За́дной головою
Ничего не знают.
Где пахать, где сеять,
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать под старость
Меня, горемыку,
Такой тяготою.
Сбыть с двора невесток,
Пустить сирот в люди! —
Старики на сходке
Про Кузьму что́ скажут?
Нет, мой згад, уж лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа в теле,
Буду я трудиться;

Кто у бога просит
Да работать любит,
Тому невидимо
Господь посылает.
Посмотришь: один я
Батрак и хозяин;
А живу чем хуже
Людей семьянистых?
Лиха-беда в землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть,
А там бог уродит,
Микола подсобит
Собрать хлебец с поля;
Так его достанет
Год семью пробавить,
Посбыть по́дать с шеи,
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божий праздник встретить.

1833

ПОЭТ И НЯНЯ

«Няня, няня! правда ль это,
Что здесь сказано поэтом?
Будто мне не век играть;
Что достанется узнать
Девушке девичье горе,
Своенравное, как море;
И, что мне теперь так мило,
Будет горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется —
Дева дню не улыбнется,
Выйдет с грустью на крыльцо
Освежить свое лицо.
Поглядит ли на дубравы,
На невинные забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Все под твердью голубою
Дышит радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Оросит ее глаза...» —
«И!.. Не верь, мое дитя.
Они гуторят шутя;
Их ты сказкам не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй!..»

УДАЛЕЦ

Мне ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мне ль поля пахать?
Мне ль траву косить?
Затоплять овин?
Молотить овес?

Мне поля — не друг,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не соседи мне.

Если б молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный нож,
Да темны леса!

Снаряжу коня,
Наточу булат,
Затяну чекмень,
Полечу в леса!

Стану в тех лесах
Вольной волей жить,
Удалой башкой
В околотке слыть.

С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли, —
Всякий молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью барина,
Мужика-глупца
За железный грош!

Но не грех ли мне
Будет от бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гуторит,
Что душой за кровь
Злодей платится...

Лучше ж воином,
За царев закон,
За крещеный мир
Сложить голову!..

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

(Дума)

Тучи носят воду,
Вода поит землю.
Земля плод приносит;
Бездна звезд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Старея в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси другого», —
Каждый отвечает.

Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..
О, гори, лампада,
Ярче пред распятьем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

1834

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1835

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчилася
Громом-бурею,
Огнем-молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля до́сыта;

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из зáкрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали,—
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкою,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти дб земи,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

ГЛАЗА

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

1836

ЧЕЛОВЕК

(Дума)

Все творенья в божем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земле!

То себя он ненавидит;
То собой он дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Даст желаньям ли свободу —
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю —
Под ним море закипит.

Но изменятся стремленья,
Озарится светом ум —
И своей он красотою
Все на свете помрачит...

15 июня
Воронеж

ЖЕНИТЬБА ПАВЛА

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевики,

Да китаечки конец,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет —
Распотешит весь народ;
Песни ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль мóлодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился.

И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости рóдных созывает;
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет не жнет,
Глядит в сторону —
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем —
Небывалое!

Она шла вчера
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку.

Повстречался ей
Добрый молодец;
Уж не в первый раз
Повстречался он.

Разминется с ней
Будто нехотя
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что́ работаю —
Все мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?

Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...
Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай,
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста, —
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по́ Дону,
По набе́режью,

Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и пóперек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с пóлудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошóная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!

Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

Москва

НЕРАЗГАДАННАЯ ИСТИНА

(Дума)

Целый век я рылся
В таинствах вселенной,
До седин учился
Мудрости священной.

Все века былые
С новыми поверил;
Чудеса земные
Опытом измерил.

Мелкие причины
Тешились людями;
Карлы-властелины
Двигали мирами.

Райские долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
В бездну низвергались.

Где пройдет коварство
С злобою людскою,
Там, в обломках, царство
Зарастет травою...

Племена другие
На них поселятся;
Города большие
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюет,
И жизнь молодая
Шумно запирует!

Подсеку ж я крылья
Дерзкому сомненью,
Прокляну усилья
К тайнам провиденья!

Ум наш не шагает
Мира за границу;
Наобум мешает
С былью небылицу.

УМОЛКШИЙ ПОЭТ

(Дума)

С душою пророка,
С печатью величья
На гордом челе,
Родился младенец
На диво земле.

Земные богини,
Как хитрые девы,
Манили младенца
Роскошной мечтой;
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцелуем
Румянец лица,
Сорвали улыбку —
Сиянье души.
Напрасно таил он,
Напрасно берег
Дары вдохновений
От горнего мира
Для жизни земной;
Напрасно он райской
И звучною песней
Родимые дебри,
Поля оглашал:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
От взоров пророка!
Высокое чувство,
И жар вдохновенья,
И творчества силу

Толпа не признала:
Смешны ей и радость
И горе поэта...
Сгори он в пожаре
Презренных страстей, —
Она, как вакханка,
Его зацелует
И бражским восторгом,
Нечистым, постыдным,
Навек заклеймит...

Очарованный утром,
Обманутый полднем,
Одетый вечерним
Туманом и тенью
Загадочной жизни —
Глядит равнодушно
Безмолвный поэт...
Ты думаешь: пал он?..
Нет, ты не заметил
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взоре его...

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

(Дума)

(В. А. Жуковскому)

Глубокая вечность
Огласилась словом.
То слово — «да будет!».
«Ничто» воплотилось
В тьму ночи и свет;
Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной
Повеяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошным эдемом,
И дух воплощенный —
Владетель земли —
С челом вечно юным,
Высоким и стройным,
С отсветом свободы
И мысли во взоре,
На светлое небо
Как ангел глядел...

Свобода, свобода!..
Где ж рай твой веселый?
Следы твои страшны,
Отмечены кровью
На пестрой странице
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Бесславную землю!..

Но слово: «да будет!» —
То вечное слово
Не мимо идет:
В хаосе печали,
В полуночном мраке
Надземных судеб —
Божественной мыслью
На древе креста
Сияет и светит
Терновый венец...

И горькие слезы,
Раскаянья слезы,
На бледных ланитах
Земнова царя
Зажглись упованьем
Высоким и светлым,
И дух вдохновляет
Мятежную душу,
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекрасного рая...

«Да будет!» — и было,
И видим — и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет богу вопроса,
Нет меры ему!..

Степь гр. Орловой

МОЛИТВА

(Дума)

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могила темна!
Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?
Что будет жизнь духа
Без этого сердца?
На крест, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цели творений
Творец всемогущий
Накинул завесу,
Налбжил печать —
Печать та навеки,
Ее не расторгнут
Миры, разрушаясь,
Огонь не растопит,
Не смоет вода!..

Прости ж мне, спаситель!
Слезу моей грешной
Вечерней молитвы:
Во тьме она светит
Любовью к тебе...

Степь гр. Орловой

МОГИЛА

(Дума)

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа?
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татарин ли дикий
Свершил здесь убийство
В ночной темноте
И свежею кровью,
Горячею брызнул
На русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На руках лелея,
Оплакала горько
Кончину его?
И под ясным небом
В поле, на просторе,
В цветах васильковых,
Положен дитя.

Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле.

Будит вольный ветер,
Будит, не пробудит
Дикую пустыню,
Тихий сон могилы!..
И встают виденья
В душе одинокой...

Воронеж

ЦВЕТОК

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшенье,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем же так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

ПЕРСТЕНЬ

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей,
Ты потускни, почерней;
Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет —
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпься сам собой!

1837

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у мо́лодца
Молодой жены,
Нет у мо́лодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля
Москва

УРА!

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Едет белый русский царь,
Православный государь
Вдоль по царству-государству...
Русь шумит ему: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Свет-царица в путь идет —
Лаской жаловать народ...
Ей навстречу, на дорогу,
Русь валит, шумит: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Князь наследный, сын царя,
Дня румяная заря,
Едет Русь святую видеть...
Русь кипит, шумит: «Ура!»

Мысль народа, звук души,
Всероссийское «ура!»
Ты — во всем царю ответ;
Лучшей песни в мире нет.
Исполин, царю послушный
Все сомкнул в своем «ура!».

Это — пыл любви живой,
Сильной, вечной и святой
К коронованным главам;
Это — страх, гроза врагам;
Это — посвист богатырский —
Вот что русское «ура!».

Июль

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа

ДВА ПРОЩАНИЯ

«Так ты, моя
Красавица,
Лишилась вдруг
Двух мо́лодцев.
Скажи же мне,
Как с первым ты
Рассталася —
Прощалася?» —

«Рассталась с ним
Я весело;
Прощалася —
Смеялася...
А он ко мне,
Бедняжечка,
Припал на грудь
Головушкой;
И долго так
Лежал, молчал;
Смочил платок
Горючими...

— Ну, бог с тобой, —
Промолвил мне.
Схватил коня,
Поехал в путь,
В чужих краях
Коро́тать век». —

«И ты над ним
Смеялася?
Его слезам
Не верила?
Скажи ж теперь,
Мудреная,

Как ты с другим
Прощалася?» —

«Другой не то...
Не плакал он,
Но и теперь
Все плачу я.
Ах, обнял он
Так холодно;
Так сухо речь
Повел со мной:
— Я еду, вишь,
Ненадолго;
Еще с тобой
Увидимся
И до́воли
Наплачемся. —
По сердцу ли
Такой привет?
Махнул рукой,
Не кланяясь,
В мое лицо
Не смотрючи,
Пустил коня —
И был таков». —

«Кто ж памятней
Останется
Душе твоей,
Красавица?» —

«Мне первого,
Конечно, жаль;
Но я люблю
Последнего».

18 сентября

ВОПРОС

(Дума)

Как ты можешь
Кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце!
Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе
Не ходило,
Чтоб на землю
Не светило!»

Стань на берег,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сделать морю,
Чтоб вода в нем
Охладела,
Чтобы камнем
Затвердела?
Какой силой
Богатырской
Шар вселенной
Остановишь,
Чтоб не шел он,
Не кружился?
Как же быть мне
В этом мире —
При движеньи —
Без желанья?
Что ж мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?

В эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила
И живет в ней,
Как царица!
С колыбели —
До могилы
Дух с землею
Ведут брани:
Земь не хочет
Быть рабою —
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться...
Много ль время
Пролетело?
Много ль время
Есть вперёди!
Когда будет
Конец брани?
За кем поле?
Бог их знает!
В этой сказке
Цель сокрыта;
В моем толке
Смыслу нету,
Чтоб провидеть
Дела божьи...

За могилой
Речь безмолвна;
Вечной тьмою

Даль одета...
Буду ль жить я
В бездне моря?
Буду ль жить я
В дальнем небе?
Буду ль помнить,
Где был прежде?
Что я думал
Человеком?..

Иль за гробом
Все забуду,
Смысл и память
Потеряю?..
Что ж со мною
Тогда будет,
Творец мира,
Царь природы?..

20 сентября

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

(Дума)

Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце! Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе не ходило!
Чтоб на землю не светило!»
Выдь на берег, глянь на море —
Что ты можешь сделать морю,
Чтоб вода в нем охладела,
Чтобы камнем затвердела?
Чем, какою тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей,
Сам собой наполни небо,
Будь ты *все,* один и всюду,
Будь ты бог — и слово-дело!..
Но когда уж это *все,*
Бесконечно и одно,
Есть пред нами в ризе света,—
То другой уж власти нет...
Все, что есть, — все это божье;
И премудрость наша — божья...

20 сентября

БОЖИЙ МИР

(Дума)

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы есть жизнь;
Мир жизнью кипит.
Везде триединый,
Воззвавший все к жизни!
Нет века ему,
Нет места ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает им силу,
Возрождает душу.
В царстве божьей воли,
В переливах жизни —
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

Воронеж

ПОРА ЛЮБВИ

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна;
Поют они и день и ночь.
То песенки чудесные!
Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,
В душе своей не чувствует,
Что песни те волшебные:
В них сила есть любовная;
Любовь — огонь; с огня — пожар...
Не слушай их, красавица!
Пока твой сон — сон девичий —
Спокоен, тих до утра дня;
Как раз беду наслушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.

Стоит она, задумалась,
Дыханьем чар овеяна;
Запала в грудь любовь-тоска,
Нейдет с души тяжелый вздох;
Грудь белая волнуется,
Что реченька глубокая —
Песку со дна не выкинет;
В лице огонь, в глазах — туман...
Смеркает степь; горит заря...

Весной в реке, при месяце,
Поит коня детинушка;
Сам думает он думушку
Про девицу заветную:

«Четвертый год, как я люблю
Меньшую дочь соседскую...
Пойдешь за ней на улицу,
Затеешь речь сторонкою —
Так нет, куда! сидит, молчит...
Пошлешь к отцу посвататься.—
Седой старик спесивится:
— Нельзя никак — жди череда.

Болит моя головушка,
Щемит в груди ретивое,
Печаль моя всесветная,
Пришла беда незваная;
Как с плечь свалить? — не знаю сам.
И сила есть — да воли нет;
Наружи клад — да взять нельзя.
Заклял его обычай наш;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй с башкой порожнею...

Возьму ж я ржи две четверти,
Поеду ж я на мельницу;
Про мельника слух носится,
Что мастер он присушивать.
Скажу ему: Иван Кузьмич!
К тебе нужда есть кровная:
Возьми с меня, что хочешь ты,
Лишь сделай мне по-своему».

В селе весной, при месяце,
Спокойно спит крещеный мир;
Вдоль улицы наш молодец
Идет сам-друг с соседкою,
Промеж себя ведут они
О чем-то речь хорошую.
Дает он ей с руки кольцо —

У ней берет себе в обмен;
А не был он на мельнице,
Иван Кузьмич не грешен тут.

Ах, степь ты, степь зеленая,
Вы, пташечки певучие,
Разнежили вы девицу,
Отбили хлеб у мельника.
У вас весной присуха есть
Сильней присух нашептанных...

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный.
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было́,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было́,
Дни — роскошество,—
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было́,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,

Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними все на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень.

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив —
Родись терпеливым
И на все готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле найдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом,

Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит и ноет,
Болит ретивое —
Все — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят,—
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитова счастья.

ДВЕ ЖИЗНИ

(Дума)

Две жизни в мире есть.
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии — святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это — жизнь земнова духа;
Долга она — как божья вечность...

Другая жизнь темна;
В ее очах — земная грусть и ночь;
И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью;
Наклоннее во тьме она к молчанью,
И это — жизнь земнова праха;
Кратка она, как блеск звезды падучей...

ЦАРСТВО МЫСЛИ

(Дума)

Горит огнем и вечной мыслью солнце;
Осенены все той же тайной думой,
Блистают звезды в беспредельном небе;
И одинокий, молчаливый месяц
Глядит на нашу землю светлым оком.
В тьме ночи возникает мысль созданья;
Во свете дня она уже одета,
И крепнет в веяньи живой прохлады,
И спеет в неге теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна, одна идея,
Она живет и в пепле и пожаре;
Она и там — в огне, в раскатах грома;
В сокрытой тьме бездонной глубины;
И там, в безмолвии лесов дремучих;
В прозрачном и пловучем царстве вод глубоких.
В их зеркале и в шумной битве волн;
И в тишине безмолвного кладбища;
На высях гор безлюдных и пустынных;
В печальном завываньи бурь и ветра;
В глубоком сне недвижимого камня;
В дыханьи былинки молчаливой;
В полете к облаку орлиных крылий;
В судьбе народов, царств, ума и чувства, всюду —
Она одна, царица бытия!

1838

ИЗМЕНА СУЖЕНОЙ

(Русская песня)

Жарко в небе солнце летнее,
Да не греет меня, молодца;
Сердце замерло от холода,
От измены моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

Я пошел к людям за помочью, —
Люди с смехом отвернулися;
На могилу к отцу, матери,—
Не встают они на голос мой.

Замутился свет в глазах моих,
Я упал в траву без памяти...
В ночь глухую буря страшная
На могиле подняла меня...

В ночь, под бурей, я коня, седлал;
Без дороги в путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

20 января
Москва

К МИЛОЙ

Давно расстались мы с тобою.
Быть может, ты теперь не та;
Быть может, уж другой
Тебя от сладкого забвенья
Для новой жизни пробудил,
И в тех же снах другие сновиденья,
Роскошнее моих, твою лелеют душу.
Хорош ли он? Вполне ли заменил
Огонь любви моей могучей,
И силу страстного лобзанья,
И наслажденья без конца?
Что, если он своею волей
Сумел любовь пересоздать
И на разрушенных обломках
Построил мир другой —
Подобье дня под небесами?
И в этот мир волшебной силой
Прелестные мечты без образов собрал,
Кругом тебя рассыпал,
Преобразил в живые лица,
Святой любовью прояснил
И власть тебе он дал
Их бесконечно ощущать?..
Ах, если так, то ты счастлива!
Среди духов небесных
Нет духа счастливей тебя!..
Что ж я? — ненужное созданье?
Приди ко мне, моя богиня,
Во время сна, в покровах ночи,
Возьми к себе, в его прекрасный мир,
И с ним в одно созданье слей!

1 февраля
Москва

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова.

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе тоску.

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпится;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

5 апреля
Москва

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,

Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля
Москва

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЕДА

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не ведывал,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал.

В день воскресный, с утра до ночи,
В хороводе песни игрывал;
Вместе с девицей-красавицей
Пляски новые выдумывал.

Полюбил я эту девушку:
Что душою — больше разумом,
Больше поступью павлиною,
Да что речью соловьиною...

Как, бывало, летом с улицы
Мы пойдем с ней рука об руку
До двора ее богатова,
До крыльца ее высокова.

Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза — бровь черную,
На ее лицо — грудь белую,
Всю монистами покрытую,—

Альни пот с лица посыпится;
Альни в грудь душа застукает,
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся...

На погибель мою староста
За сынка вперед посватался;

И его казна несметная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердце,
Как из церкви мою милую
При народе взял он за руку,
С похвальбою поклонился мне.

Тошно, грустно было на сердце,
Как он с нею вдоль по улице
Что есть духу поскакал — злодей! —
К своему двору широкому.

Я стоял, глядел, задумался;
Снявши шапку, хватил об землю.
И пошел себе загуменьем —
Под его окошки красные.

Там огни горят; там девушки
Поют песни, там товарищи
Пьют, играют, забавляются,
С молодыми все целуются.

Вот приходит полночь мертвая,
Разошлися гости пьяные,
Добры мóлодцы разъехались,
И ворота затворилися...

В эту пору, для приятеля
Заварил я брагу хмельную,
Заиграл я свадьбу новую,
Что беседу небывалую;

Альни дым пошел под облаки,
Альни пламя закрутилося,

По соседям — через улицу —
На мою избушку бросилось.

Где стоял его богатый дом,
Где была избушка бедная, —
Утром все с землей сровнялося —
Только уголья чернелися...

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюся...

14 мая
Москва

ПРИМИРЕНИЕ

На пир сердечных наслаждений,
На светлый пир любви младой
С судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, в безумном исступленьи,
Из мира девственной любви
К моим врагам на праздник шумный
С челом открытым гордо вышел,
На злобу — злобой ополчился;
И на беду — с бедой пошел;
Против людей я грудью стал,
На смертный бой судьбу я вызвал!
И где ж она?.. где злые люди?..
Где сила их, оружье, власть?..
Их зло на них же обратилось;
И все кругом меня безмолвно
В одно мгновенье покорилось;
А я стоял, глядел на небо —
И улыбнулось небо мне...
Не небо — нет! Ее прекрасный,
Приветный взор я встретил там...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демон гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грешных наслаждений
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вот уж нет пространства между нами;
И вот уж нет в пространстве пустоты;
Она и я — различные два мира —
В одну гармонию слились,

Одною жизнию живем!
Но что за грустные сомненья
Порой еще мою волнуют грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вам конец?
Ужель все истины на свете —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вера чувств,
Людских страстей пустая тень?..
Нет, нет! не для того на небе солнце ходит
Чтоб белый день покрылся тьмой...

20 июня
Москва

МИР МУЗЫКИ

В стройных звуках льются песни
Гармонической волной;
По душе волшебно ходят
И проходят с быстротой.

Полечу я вслед за ними;
Погружуся в них душой;
В очарованном забвеньи
Позабуду мир земной.

Сколько звуков, сколько песен
Раздалося вновь во мне!
Сколько образов чудесных
Оживилось в вышине!

Между них она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился мир земной...

Улетайте ж в небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здесь я с нею, здесь я счастлив,
Любо жить мне на земле!

20 июня
Москва, вечер музыкальный у Боткина

РУССКАЯ ПЕСНЯ

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути — без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

10 июля, утро, 12 часов
Москва

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле — силу, в сердце — жар!

Что погибель! что спасенье!
Будь что будет — все равно!
На святое провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом — моя могила;
На кресте — моя любовь!

20 сентября

СТЕНЬКА РАЗИН

(Памяти друга,
А. П. Сребрянского)

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние — крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями, за до́бычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние — крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещеном, славном городе,
На крутом, высоком острове
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным,
Поет песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милой друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

15 октября

БЕДНЫЙ ПРИЗРАК

Убил я жизнь, искавши счастья,
Сгубил себя — а счастья нет;
Пойду к друзьям на пир старинный,
И заживу я с ними вновь.
«Против меня восстали люди;
Судьба карает день и ночь;
На свете жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».
Ответа нет. Друзья-счастливцы
На бедность холодно глядят;
Со мною встречи избегают
И «нету дома» говорят.
Как будто я, недобрый гость,
Пришел богатство их присвоить;
Печалью радость отравить;
Свое им горе навязать.
И вот дожил на старость лет,
Что не с кем слова перемолвить;
Сердечной скуки разделить,
Кому б «ночь добрую» сказать.
О ночь! приди хоть ты... Но с этой мыслью
Вся повесть прежних дней
Из глубины души выходит
И тенью страшною стоит.
И грустно мне смотреть
Весной на луг зеленый,
На плод любимых яблонь
И на пожатый колос нив...

20 октября

БЕГСТВО

Уж как гляну я на поле —
Поле чистое дрогнет,
Нагустит свои туманы,
В них оденется на ночь.

Я из поля в лес дремучий:
Леший по лесу шумит;
Про любовь свою к русалке
С быстрой речкой говорит.

Крикну лесу, топну в берег —
Леший за горы уйдет;
С тихим трепетом русалка
В берегах своих уснет.

Я чрез реку, огородом,
Всю слободку обойду,
С темной полночью глухою
К дому барскому приду.

Свистну... в тереме высоком
Вмиг растворится окно;
Под окном душа-девица
Дожидается давно.

«Скучно в тереме весною
Одинокой горевать;
То ли дело, на просторе
Друга к сердцу прижимать!»

Поднимайся, туча-буря
С полуночною грозой!

Зашатайся, лес дремучий,
Страшным голосом завой –

Чтоб погони злой боярин
Вслед за нами не послал;
Чтоб я с милою до света
На Украйну прискакал.

Там всего у нас довольно;
Есть где будет отдохнуть.
От боярина сокроют,
Хату славную дадут.

Будем жить с тобой по-пански...
Эти люди – нам друзья;
Что душе твоей угодно,
Все добуду с ними я!

Будут платья дорогие,
Ожерелья с жемчугом!
Наряжайся, одевайся
Хоть парчою с серебром!

31 декабря

ТОВАРИЩУ

Что ты ходишь с нуждой
По чужим по людям;
Веруй силам души
Да могучим плечам.

На заботы ж свои
Чуть заря поднимись,
И один во весь день
Что есть мочи трудись.

Неудачи, беда? —
С грустью дома сиди;
А с зарею опять
К новым нуждам иди.

И так бейся, пока
Случай счастье найдет
И на славу твою
Жить с тобою начнет.

Та же сила тогда
Другой голос возьмет:
И чудно и смешно,
Всех к тебе прикует.

И те ж люди-враги,
Что чуждались тебя,
Бог уж ведает как,
Назовутся в друзья.

Ты не сéрдись на них;
Но спокойно, в тиши,
Жизнь горою пируй
По желаньям души.

1839

Я ДОМА

Опять в глуши, опять досуг
Страдать и телом и душою,
И одиночества недуг
Кормить привязчивой тоскою.
Ох, этот корм! Как горек он!
С него душа не пополнеет,
Не вспыхнет кровь, а смертный сон
Скорей крылом на жизнь повеет!
Но я, в укор моей судьбе,
Судьбе, враждующей со мною,
Томясь с злосчастием в борьбе,
Не отравлен еще тоскою.
Еще я верю, что минет
Година горьких испытаний
И снова солнышко взойдет
И сгонит с сердца мглу страданий!
Что нужды, если срок уйдет,—
Жизнь на закате рассветлеет;
Нас в полдень солнце очень жжет,
А под вечер отрадно греет.

5 января

ПЕРЕД ОБРАЗОМ СПАСИТЕЛЯ

Пред тобою, мой бог,
Я свечу погасил,
Премудрую книгу
Пред тобою закрыл.

Твой небесный огонь
Негасимо горит;
Бесконечный твой мир
Пред очами раскрыт;

Я с любовью к тебе
Погружаюся в нем;
Со слезами стою
Перед светлым лицом.

И напрасно весь мир
На тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он тебя осуждал:

На кресте, под венцом,
И спокоен, и тих,
До конца ты молил
За злодеев своих.

20 февраля

ПУТЬ

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, ни ходить...

Кто же держит меня?
И что кинуть мне жаль?
И зачем до сих пор
Не стремлюся я в даль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!

По летам и кудрям
Не старик еще я:
Много дум в голове,
Много в сердце огня!

Много слуг и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж оседлан стоит.

Да на путь —по душе —
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть;

Чтоб порой пред бедой
За себя постоять;

Под грозой роковой
Назад шагу не дать;

И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

10 марта

ГОРЕ

Ах ты, горе, горе,
Горе горькое!
Где ты сеяно
Да где выросло?
Во сыпучих ли
Песках,
Во дремучих ли
Лесах Муромских?
Кто тебя вспоил,
Да кто выкормил,
Да кто в свет пустил
Тебя, горюшко
Горемышное,
Ко чужим людям
Горе мыкати?
И зачем ты к нам
В гости, горюшко,
Появляешься,
Нежеланное
И незваное?
Отравишь стопу
Пировую всю
И уйдешь опять,
Как ночная тать,
Невидимкою,
И весь пир — не в пир,
И вся жизнь — не в жизнь...
Пропадало б ты,
Горе горькое,
Где родилося
Да где выросло;

Зачем по свету
Бродить целому
И быть гостьею
Всем нерадостной?

4 мая
Воронеж

ПЕСНЯ

В непогоду ветер
Воет, завывает;
Буйную головку
Злая грусть терзает.

Горемышной доле
Нет нигде привета:
До седых волос любовью
Душа не согрета.

Нету сил; устал я
С этим горем биться,
А на свет посмотришь —
Жалко с ним проститься!

Доля ж, моя доля!
Где ты запропала?
До поры до время
Камнем в воду пала?

Поднимись — что силы
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Если нет, у моря
Сядем да дождемся;
Без любви и с горем
Жизнью наживемся!

5 августа

ТОСКА ПО ВОЛЕ

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи — соколиные —
Не хотят смотреть на белый свет.

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб сбирать под окнами;
Тяжелей того в чужих людях
Быть в неволе — в одиночестве.

Дни проходят здесь без солнушка;
Ночи темные — без месяца;
Бури страшные, громовые,
Удалой души не радуют.

Где ж друзья мои — товарищи?
Куда делись? Разлетелися?
Иль не хочут дать мне помочи?
Или голос мой разносит ветр?

Знать, забыли время прежнее —
Как, бывало, в полночь мертвую
Крикну, свистну им из-за леса:
Альни темный лес шелохнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучие,
Все в один круг собираются,
Погулять ночь — пороскошничать.

А теперь, как крылья быстрые
Судьба злая мне подрезала,

И друзья, мои товарищи,
Одного меня все кинули...

Гой ты, сила пододонная!
От тебя я службы требую —
Дай мне волю, волю прежнюю!
А душой тебе я кланяюсь...

2 сентября

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».—

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;

Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — все купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».—

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом, с рыбаком,
Уж гуляет купец...

(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работа́й;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября

К ***

Ты в путь иной отправилась одна,
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви
Других любимцев избрала...
Ну что ж — далеко ль этот путь пройден?

Какие впечатленья
В твоей душе оставил он?
Из всей толпы избранников твоих
С тобой остался ль хоть один,
И для спасенья твоего
Готов ли жертвовать собой?
Где ж он? Дай мне его обнять,
Обоих вас благословить
На бесконечный жизни путь!
Но ты одна, — над страшной бездной
Одна, несчастная, стоишь!
В безумном исступленьи
Врагов на помощь ты зовешь
И с безнадежною тоскою
На гибель верную идешь.
Дай руку мне: еще есть время
Тебя от гибели спасти...
Как холодна твоя рука!
Как тяжело нам проходить
Перед язвительной толпой!
Но я решился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездою светлой озарять!..

10 сентября

* * *

Не разливай волшебных звуков!
Не уноси ты в свой прекрасный мир!
Твоя душа — как божий ангел!
Вся жизнь твоя — как светлый день!

Ты можешь силой дивной песни
Созвать невидимых духо́в:
Они всю прелесть чудной жизни
В твоих виденьях разольют;

Мятежный мир в мечтах сокроют,
С печалью радость съединят;
Коснется ль грусть — на душу снидет
Всесильной жизни благодать!

А предо мной — лишь прошлых дней
Все образы страстей безумных
Из глубины души поднимут
Во всей их страшной наготе.

И если ты, мой милый друг,
Не озаришь меня своим сияньем,
Не дашь руки, «люблю» не скажешь,
Со мною вместе не пойдешь, —

Тогда погиб я навсегда!
Тогда, страдалец одинокий,
Ни для земли, ни для небес
Я не воскресну никогда!

15 сентября

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты был? и чтó стал?
И чтó есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел;
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой

По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Говорил мне друг, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты белова,
Не гаси румянца алова.

Ты ведь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велит, нужда несет, —
Отец силой просит дома жить.

Я пойду, скажу: «Вот, батюшка,
Мой избыток весь — возьми себе;
Но в твоем дому родительском
Не жилец я, не кормилец твой!

Не держи ж, пусти, дай волюшку
Там опять мне жить, где хочется,
Без талана — где таланится,
Молодым кудрям счастливится...»

Говорил так друг, прощаючись,
А в душе его был замысел:
Не к отцу идти — в другом селе
Замуж взять вдову богатую...

Ну, господь с тобой, мой милый друг,
Я за твой обман не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мне, может быть, воротишься.

2 ноября

ЛЕС

(Дума)

О чем шумит сосновый лес?
Какие в нем сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?..

Коня скорей! Как сокол быстрый,
На нем весь лес изъезжу я.
Везде глубокий сон, шум ветра,
И дикая краса угрюмо спит...

Когда-нибудь его стихия
Рвалася землю всю покрыть,
Но, в сон невольно погрузившись,
В одном движении стоит.

Порой, во тьме пустынной ночи,
Былых веков живые тени
Из глубины его выходят —
И на людей наводят страх.

С приходом дня уходят тени,
Следов их нет; лишь на вершинах
Один туман, да в темной грусти
Ночь безрассветная лежит...

Какая ж тайна в диком лесе
Так безотчетно нас влечет,
В забвенье погружает душу
И мысли новые рождает в ней?..

Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живет,
Что может лишь в пределах смерти
Свое величье сознавать?..

10 ноября

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укоро́тали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом от солнушка
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
«Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчее при́дется».

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советывать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

15 ноября

ПОСЛАНИЕ

(В. Г. Белинскому)

Будь человек, терпи!
Тебе даны все силы,
Какими жизнь живет
И мир вселенной движет.
Не так природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здесь раздает
Для царства бытия!
Когда ж над ней есть воля, —
Без воли — миг — и что она? —
Так как же могут люди
Твоей душою управлять?..

Пущай они восстанут,
Против́ тебя пойдут,
В твою главу ударят
Всей силою земной, —
Не пяться, друг! стой прямо!
Главы пред ними не склоняй!
Но смело в бой неравный —
На битву божию ступай!
Не уничтожить им
Твоей могучей воли;

Пока в грудях дыханье —
До тех пор бейся с ними ты...
Громада гор земля —
Земля песчинка лишь одна;
И океан безбрежных вод —
Что капля утренней росы.
У духа жизни веса нет,
У воли духа нет границ,
Везде одна святая сила,

И часть ее есть сила та ж.
Одним лучом огонь небес
Осветит тьму, согреет лед,
Но тьма и холод в небе
Другова солнца не зажжет.

Зачем же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать?
Когда с презреньем люди
Зовут тебя на брань,
Ступай во имя бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на поле брани;
Но не беги с него назад.
И где война — там дело
Великой жизни бытия!
В ее борьбе — паденье смерти
И новой мысли торжество!

16 ноября

ДУМА СОКОЛА

(В. П. Боткину)

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Иль боится он
В чужих людях быть,
С судьбой-мачехой
Сам-собою жить?

Для чего ж на свет
Глядеть хочется,

Облететь его
Душа просится?

Иль зачем она,
Моя милая,
Здесь сидит со мной,
Слезы льет рекой;

От меня летит,
Песню мне поет;
Всё рукой манит!
Всё с собой зовет!

Нет, уж полно мне
Дома век сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть!

Со двора пойду,
Куда путь лежит,
А жить стану там,
Где уж бог велит!

15 января

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Греет солнышко —
Да осенью;
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,
Поутру трава
Там сохнула.

И все пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно, —

Что, их слушая,
Кровь стынула,
По душе лилась
Боль смертная.

Так прошла моя
Вся молодость —
Без любви-души,
Без радости.

12 февраля

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не сбираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Все прошло уж давно...
Не воротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля

ВОПЛЬ СТРАДАНИЙ

Напрасно я молю святое провиденье
Отвесть удар карающей судьбы,
Укрыть меня от бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребий мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мне, терпенье, веру,
Чтоб мог я равнодушно пережить
Земных страстей безумное волненье.

Пощады нет! Душевную молитву
Разносит ветр во тьме пустынной,
И вопли смертного страданья
Без отзыва в дали глубокой тонут.

Ужель во цвете лет, под тяжестью лишений,
Я должен пасть, не насладившись днем
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательным дыханием весны?

6 марта

БЛАГОДЕТЕЛЮ МОЕЙ РОДИНЫ

(Д. Н. Бегичеву)

Есть люди: меж людей они
Стоят на ступенях высоких,
Кругом их блеск, и слава
Далеко свой бросает свет;
Они ж с ходулей недоступных
С безумной глупостью глядят,
В страстях, пороках утопают,
И глупо так проводят век.
И люди мимо их смиренно
С лицом боязненным проходят,
Взглянуть на них боятся,
Колена гнут, целуют платья;
А в глубине души своей безмолвно
Плюют и презирают их.

Другие люди есть: они от бога
Поставлены на тех же ступенях;
И так же блеск, величье, слава
Кругом их свет бросают свой.
Но люди те — всю жизнь свою
Делам народа посвятили
И искренно, для пользы государства,
И день и ночь работают свой век...
Кругом же их с почтеньем люди
Колена гнут, снимают шапки,
Молитвы чистые творят...

О, много раз — несчастных, бедных
Вас окружала пестрая толпа.

Когда вы всем, по силе-мочи,
С любовью помогали им,
Тогда, с благоговеньем тайным,
Любил глядеть я молча,
Как чудно благодатным светом
Сияло ваше светлое лицо.

14 марта

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-провожать,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не на радость, не на счастие,
Знать, с тобой мы, друг мой, встретилися;
Знать, на горе горемычное
Так сжились мы, так слюбилися.

Жил один я, в одиночестве —
Холостая жизнь наскучила;
Полюбил тебя, безродную,
Полюбивши — весь измучился.

Где ты, время, где ты, времечко,
Как одно я только думывал:
Где ты, как с тобой увидеться,
Одним словом перемолвиться.

Тогда было — иду, еду ли,
Ты всегда со мной, с ума нейдешь,
На грудь полную ручкой белою
Ты во сне меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызет сердце, крушит голову:
Как в чужом угле с тобой нам жить,
Как свою казну трудом нажить?

Но куда умом ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Без следа вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтиться? — нету волюшки!
Обмануть, своею бедностью
Красоту сгубить? — жаль до смерти!

12 июня
Бобров

ПЕРЕПУТЬЕ

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что уж шагу ступить некуда,
В свете белом стало тесно мне!

Что ж теперь с тобой, удалая,
Пригадаем мы, придумаем?
В чужих людях век домаять ли?
Сидя дома ли, состариться?

По людям ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотменную.

А у нас с тобой давно их нет;
Мы, гуляя, все потратили,
Молодую жизнь до времени
Как попало — так и прожили!

Сидеть дома, ботеть, стариться,
С стариком отцом вновь ссориться,
Работа́ть, с женой хозяйничать,
Ребятишкам сказки сказывать...

Хоть не так оно — не выгодно,
Но, положим, делать нечего:
В непогоду — не до плаванья,
За большим в нужде не гонятся...

Но вот тут скажи, как придется
По душе спросить, по совести:
Кто пойдет за нас? где будем жить?
Где избыток мой зарыт лежит?..

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горах — леса, сады, дома;
На дне моря — груды золота;
Облака идут — наряд несут!..

11 июля
Бобров

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Дуют ветры,
Ветры буйные,
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белова;
Не видать в них
Солнца краснова.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору,
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездольи —
Горе — не́ горе!

14 августа

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

(Посвящена князю
П. А. Вяземскому)

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кров, за родину.

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманския!..

Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову, —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить сложу — на груду тел...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

22 августа

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАН

Как женился я, раскаялся;
Да уж поздно, делать нечего:
Обвенчавшись — не разженишься;
Наказал господь, так мучайся.

Хоть бы взял ее я силою,
Иль обманут был злой хитростью;
А то волей своей доброю,
Где задумал, там сосватался.

Было кроме много девушек,
И хороших, и талантливых;
Да ни с чем взять — видишь, совестно
От своей родни, товарищей.

Вот и выбрал по их разуму,
По обычаю — как водится:
И с роднею, и с породою,
Именитую — почетную.

И живем с ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
В долги стали неоплатные...

«Теперь придет время тесное:
Что нам делать, жена, надобно?» —
«Как, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова?» —

«Ах, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,

Так зачем же мою голову
Ты сгубила, змея лютая?

Придет время, время грозное,
Кто поможет? куда денемся?» —
«Сам прожился мой безумный муж,
Да у бабы ума требует».

28 августа

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?

Где ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

С какой гордостью
Я смотрел тогда
На туманную
Даль волшебную!

Там светился свет
Голубых очей;
Там мечтам моим
Конца не было!

Но, среди весны,
В цвете юности,
Я сгубил твою
Душу чистую...

Без тебя, один,
Я с тоской гляжу,
Как ночная тьма
Покрывает день...

3 декабря
Москва

ПОЭТ

(Дума)

В душе человека
Возникают мысли,
Как в дали туманной
Небесные звезды...

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни;
Целая природа —
В душе человека.

Проникнуты чувством,
Согреты любовью,
Из нее все силы
В образах выходят...

Властелин-художник
Создает картину —
Великую драму,
Историю царства.

В них дух вечной жизни,
Сам себя сознавши,
В видах бесконечных
Себя проявляет.

И живет столетья,
Ум наш поражая,
Над бездушной смертью
Вечно торжествуя.

Дивные созданья
Мысли всемогущей!
Весь мир перед вами
Со мной исчезает...

7 декабря
Москва

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Много есть у меня
Теремов и садов,
И раздольных полей,
И дремучих лесов.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомых бояр,
И надежных друзей.

Много есть у меня
Жемчугов и мехов,
Драгоценных одежд,
Разноцветных ковров.

Много есть у меня
Для пиров — серебра,
Для бесед — красных слов,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что
Трав волшебных ищу;
Но я знаю, о чем
Сам с собою грущу...

8 декабря
Москва

РАСЧЕТ С ЖИЗНЬЮ

(Посвящено В. Г. Белинскому)

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым —
И, что ждало меня,
Я не видел за ним.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

9 декабря
Москва

ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь
Что коса моя?

Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его,
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня,
И не придет уж
К своей девице?..

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет, не к радости
Плакать хочется.

10 декабря
Москва

НОЧЬ

(Посвящена князю
Владимиру Федоровичу
Одоевскому)

Не смотря в лицо,
Она пела мне,
Как ревнивый муж
Бил жену свою.

А в окно луна
Тихо свет лила,
Сладострастных снов
Была ночь полна!

Лишь зеленый сад
Под горой чернел;
Мрачный образ к нам
Из него глядел.

Улыбаясь, он
Зуб о зуб стучал;
Жгучей искрою
Его глаз сверкал.

Вот он к нам идет,
Словно дуб большой...
И тот призрак был —
Ее муж лихой...

По костям моим
Пробежал мороз;
Сам не знаю как,
К полу я прирос.

Но лишь только он
Рукой за дверь взял,
Я схватился с ним —
И он мертвый пал.

«Что ж ты, милая,
Вся как лист дрожишь?
С детским ужасом
На него глядишь?

Уж не будет он
Караулить нас;
Не придет теперь
В полуночный час!..»

«Ах, не то, чтоб я...
Ум мешается...
Все два мужа мне
Представляются:

На полу один
Весь в крови лежит;
А другой — смотри —
Вон в саду стоит!..»

11 декабря
Москва

ПОМИНКИ

Николаю Владимировичу
Станкевичу

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Могучая сила
В душе их кипит;
На бледных ланитах
Румянец горит.

Их очи, как звезды
По небу, блестят;
Их думы — как тучи;
Их речи — горят.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно их не манит
Волшебница даль!

И с мира и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет.

Но вот к ним приходит
Неведомый гость

И молча садится,
Как темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды — что яд.
И весь на нем странен
Печальный наряд.

И лучшему другу
Он руку пожал;
И глаз его черный
Огнем засверкал.

Вмиг юноша вздрогнул,
И очи закрыл,
И темные кудри
На грудь опустил.

Прозрачно как мрамор
Застыло лицо, —
Уснул он надолго!
Уснул глубоко!..

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Их так же, как прежде,
Беседа шумна;
Но часто невольно
Печаль в ней видна.

12 декабря
Москва

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не может быть, чтобы мои идеи
Влиянья не имели на природу.
Волнение страстей, волнение ума,
Волненье чувств в народе —
Все той же проявленье мысли.
Небесный свет перерождает воздух,
Организует и живит элементы
И движет всем — по произволу духа.

1841

ДОЛЯ БЕДНЯКА

У чужих людей
Горек белый хлеб,
Брага хмельная —
Неразборчива!

Речи вольные —
Все как связаны;
Чувства жаркие
Мрут без отзыва...

Из души ль, порой,
Радость вырвется —
Злой насмешкою
Вмиг отравится.

И бел-ясен день
Затуманится;
Грустью черною
Мир оденется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А в душе клянешь
Долю горькую!

1 апреля
Воронеж

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ты прости-прощай,
Сыр-дремучий бор,
С летней волею,
С зимней вьюгою!

Одному с тобой
Надоело жить,
Под дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
В свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Там возьму себе
Молоду жену;
И начну с ней жить —
Припеваючи...

25 апреля

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не весна тогда
Жизнью веяла,
Не трава в полях
Зеленелася;

Не заря с небес
Красовалася,
Не луна на нас
Любовалася!

Нет! под холодом,
Под туманами,
Ты в объятьях жгла
Поцелуями!

Ночи темные,
Ночи бурные
Шли, как облачки
Мимо солнушка.

Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные;

Наводили сны,
Сны волшебные,—
Уносили в край
Заколдованный!

2 мая

ЗВЕЗДА

Где б ни был я, — всегда,
До утренней зари, алмазная звезда
Против меня стоит
И в очи мне язвительно глядит...

При ней когда-то час разлуки был...
Но я давно ее и час тот позабыл!
Один лишь этот луч неотразим,
И я никак не свыкнусь с ним!

Порою он приводит в умиленье,
Порой в восторг и исступленье,
Порою в горькую печаль...
И мне ее, погибшую, все жаль!

5 мая

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мне вестку, моя пташечка!

Я рекой пойду по бережку,
Полечу горой за облаком,
На край света, на край белова —
Искать стану друга милова...

Я найду его, где б ни был он,
Я скажу ему: «Стыдно, совестно
Бросить дом свой, отца старова
Да бог весть куда завихриться».

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует, скажет ласково:

«Нет, душа моя, ошиблась ты,
Я не в поле вихрем веялся;
По людям ходил, деньгу копил,
В свое время счастье пробовал».

Ах вы, душеньки-подруженьки!
Не от горя плачу — с радости;
На душе она огнем горит,
А нет силы, слов души открыть!..

10 мая

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Как здоров да молод,
Без веселья — весел;
Без призыва — счастье
Идет отовсюду.

В непогоду ветер —
Шапка на макушке;
Проходи, поп, барин,—
Волоска не тронем!

Только дум, заботы
У царя-головки:
Погулять по свету,
Пожить нараспашке;

Свою удаль-силку
Попытать на людях,—
Чтоб не стыдно вспомнить
Молодое время!..

15 мая

РУССКАЯ ПЕСНЯ

(Посвящаю Василию Петровичу Боткину)

В Александровской слободке
Пьют, гуляют молодцы,
Все опричники лихие,
Молодые чернецы.
Посреди их царь-святоша
В рясе бархатной сидит;
Тихо псальмы распевает,
В пол жезлом своим стучит.
Сам из кубка золотова
Вина, меду много пьет;
Поднимается, как туча,
На всю слободу ревет:
«Враги царские не дремлют;
Я ж, как соня, здесь живу...
На коней скорей садитесь
Да поедемте в Москву!
Что за медь здесь? что за брага?
Опротивел хлеб сухой;
На московской на площадке
Мы сготовим пир другой!
Наедимся там досыта
Человечины сырой,
Перепьемся мы допьяна
Крови женской и мужской!
Бедный раб, я — царь наследный
Над моими над людьми:
На кого сурово взглянем —
Того скушаем с детьми!»
Царь-ханжа летит, как вихорь,
С саранчою удальцов
Москву-матушку пилатить —
Кушать мясо и пить кровь!

16 октября

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Из лесов дремучих, северных
Поднялась не тучка темная;
А рать сильная, могучая —
Царя грознова, Московскова.

Словно птица быстролетная
Пролетела море синее...
Перешла так сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
К царству славному, Казанскому,
К бусурману — хану лютому,
К своему недругу заклятому.

И куда еще — спит зорюшка,
А уж бьется Русь с татарином, —
Стены крепкие разрушила —
И пошла гулять по городу;

Воеводы, рати храбрые
Ездят, бьют татар по улицам;
А на башне с русским знаменем,
Юный царь стоит — как солнышко!

17 октября

ИВАНУ ГОРДЕЕВИЧУ КОЗЛОВУ

Он жил, — и был здесь всем чужой;
Но все душой его любили
И добросердечною слезой,
Прощаясь, прах его почтили.

18 октября

ЖИЗНЬ

(Дума)

Умом легко нам свет обнять;
В нем мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать —
Мы все как будто понимаем.

И резко судим обо всем,
С веков покрова не снимая;
Дошло — что людям нипочем
Сказать: вот тайна мировая!

Как свет стоит, до этих пор
Всего мы много пережили:
Страстей мы видели напор;
За царством царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другие — силою упорной...

Но все ж успех наш невелик.
Что́ до преданий? — мы не знаем.
Вперед что́ будет — кто проник?
Что́ мы теперь? — не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили —
И мы живем — и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября

ИЗ ГОРАЦИЯ

Не время ль нам оставить
Про небеса мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть — иль нет, желать!

Легко, конечно, строить
Воздушные миры,
И уверять, и спорить:
Как в них-то важны мы!

Но от души ль порою
В нас чувство говорит,
Что жизнию земною
Нет нужды дорожить?..

Всему конец — могила;
За далью — мрак густой;
Ни вести, ни отзыва
На вопль наш роковой!

А тут дары земные,
Дыхание цветов,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шум лесов;

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дева молодая
Блистает красотой!

18 декабря

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Что смешнова во мне —

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огнь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

20 декабря

1842

НА НОВЫЙ 1842 ГОД

Прожитый год, тебя я встретил шумно,
В кругу знакомых и друзей;
Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперед всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнем восторженным горит,
Тот о своем загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

Так, до зари беседа наша
Была торжественно-шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь неисчерпаема была!

Но год прошел: одним звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, —
Как друг, как демон, — обманул!

Он за таинственным покровом
Мученья горькие скрывал;
И в этом свете бестолковом
Меня вполне рок грозный испытал.

Тяжелый год, тебя уж нет, а я еще живу,
И новый тихо, без друзей, один встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель безвременно из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

1 января, полночь

ПЕСНЯ

Что он ходит за мной,
Всюду ищет меня
И, встречаясь, глядит
Так лукаво всегда?

Что смешнова во мне —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто дал право ему?

Помню, как-то давно
У знакомых был бал;
Как безумный, всю ночь
Он со мной танцевал!

Слова нет — он хорош:
Брови, нос и лицо,
Но глаза — за глаза —
Ненавижу его!

Голубые они...
И как жарко горят!
Будто яда полны,
Будто съесть вас хотят!

Нет, отстаньте, прошу,
Не следите меня;
Ваших дьявольских глаз
Я боюсь как огня!..

8 февраля

* * *

Когда есть жизнь другая там,
Прощай! Счастливый путь!
А нет — скорее к нам,
Пока жить можно тут.

Февраль (?)

ПЕСНЯ

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один, —
Сказал, — радость! приду.

Месяц будь иль не будь —
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый впотьмах
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой —
Без дороги, чутьем,
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что замок и отец,
Караул, ворота? —
Воеводская дверь
Мне всегда расперта.

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом;
А с тобою, мой друг,
Города нипочем!»

5 марта

* * *

Ночка темная,
Время позднее,—
Скучно девице
Без товарища.

Полюби меня,
Душа-девица,
Меня, молодца
Разудалого.

Ночка темная
Не протянется,
Веселей тебе
Будет на сердце.

Кровь горячая
Разыграется,
Обольет огнем
Груди белые.

Припаду я к ним
С негой страстною,
С жаждой пылкою
Наслаждения.

Обовью рукой
Шейку стройную,
Шейку белую,
Лебединую.

Я вопьюсь в твои
Уста сладкие,
Я с любовию
Страстной, пламенной...

Мы тогда с тобой
Весь забудем мир,
И наплачемся,
И натешимся.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ [1]

---

[1] Помимо названия стихотворения указывается его первая публикация.

Принятые сокращения:

Изд. 1835 г. — Стихотворения Алексея Кольцова. М., 1835.

Изд. 1846 г. — Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. Изд. Н. Некрасова и Н. Прокоповича. СПб., 1846.

Изд. 1936 г. — Кольцов А. В. Избранные сочинения. Редакция, вступительная статья и примечания Л. А. Плоткина, предисловие Н. К. Пиксанова. Воронеж, 1936.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

1827

1828

1829

1830

1837

1838

1839

1840

1841

1842

ИБ № 226

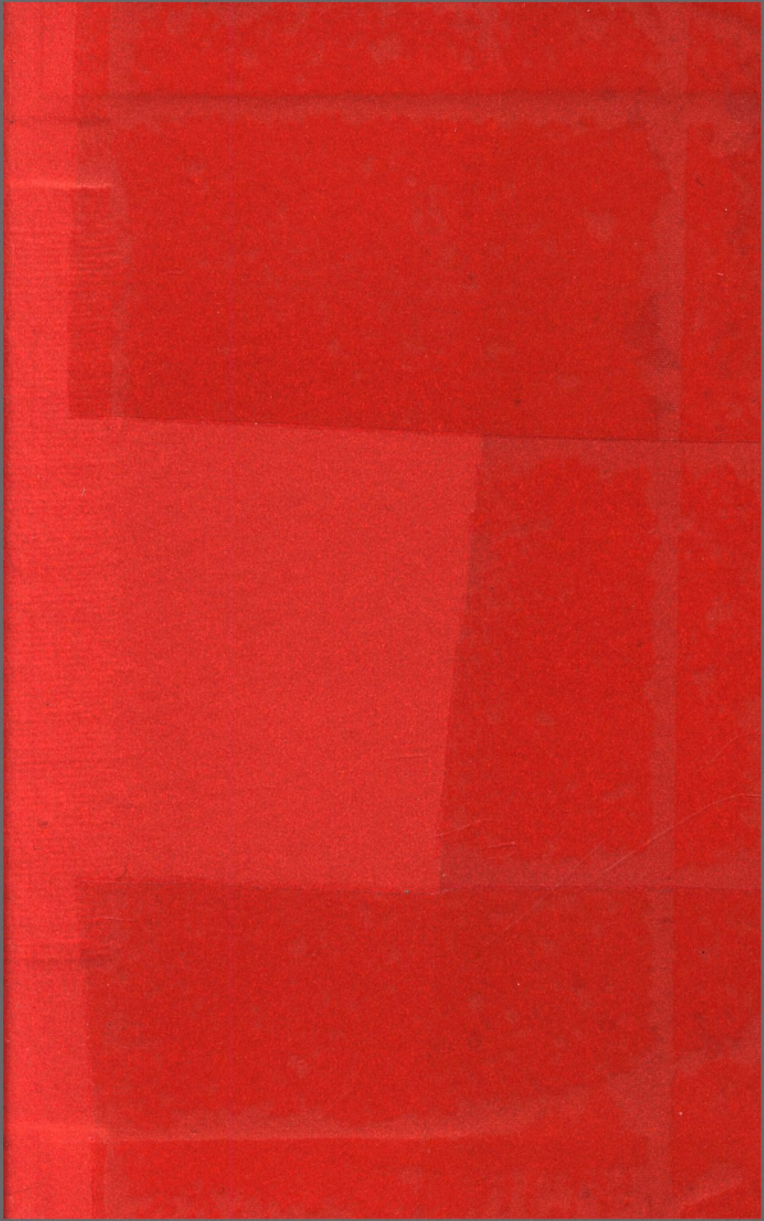
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЬЦОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор издательства Л. Н. Нечепаева
Младший редактор В. А. Одиноких
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректор Е. В. Бессонова

ЛЕ03167. Сдано в набор 15.XII 1976 г.
Подп. в печ. 15.II 1977 г. Форм. бум. 70x90/32.
Бумага № 1. Усл. п. л. 11,12. Уч.-изд. л. 10,43.
Тираж 200 000. (2-й завод 50 001—100 000).
Заказ 15980. Цена 96 коп.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, пр. Революции, 24
Типография издательства «Коммуна»
Воронеж, пр. Революции, 39

96 коп.

А.В.КОЛЬЦОВ